

INSPIRIA

18+

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ
ТРИЛОГИИ
О БРИДЖИТ ДЖОНС

The background is a vibrant blue with scattered white sprinkles. On the left, a man with red hair and a yellow shirt is smiling and holding a chocolate-glazed donut with colorful sprinkles. On the right, a woman with long, dark, wavy hair, wearing glasses and a pink dress, is looking towards the man. A red handbag is visible near her. In the top right corner, there is a pink-glazed donut with white and yellow sprinkles. In the bottom left corner, there is a chocolate-glazed donut with white sprinkles. The title 'ЛЮБОВЬ БЕЗ РАЗМЕРА' is written in large, white, bold, sans-serif capital letters across the center of the image.

ЛЮБОВЬ
БЕЗ
РАЗМЕРА

СТЕФАНИ ЭВАНОВИЧ

Стефани Эванович
Любовь без размера

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Эванович С.

Любовь без размера / С. Эванович — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-04-174769-5

История о девушке, которая смогла изменить свою жизнь и полюбить вновь. От автора бестселлеров New York Times Стефани Эванович! После смерти мужа Холли осталась совсем одна, разбитая, несчастная и с устрашающей цифрой на весах. Но судьба – удивительная штука. Она сталкивает Холли с Логаном Монтгомери, персональным тренером голливудских звезд. Он предлагает девушке свою помощь. Теперь Холли предстоит долгая работа над собой, но она даже не представляет, чем обернется это знакомство на борту самолета. «Невероятно увлекательный дебютный роман Стефани Эванович завораживает своим остроумием, душевностью и оригинальностью...

Уникальные персонажи, горячие сексуальные сцены и эмоционально насыщенная история создают чудесную жемчужину». – Publishers Weekly
«Соблазнительно, умно и сексуально!» – Susan Anderson, New York Times bestselling author of That Thing Called Love
«Отличный дебют Стефани Эванович. Автор интересно раскрывает главных героев, показывая все их несовершенства». – Kirkus Reviews

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-174769-5

© Эванович С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Стефани Эванович

Любовь без размера

*Мальчишкам 1900-х,
которые осуществляют мои мечты
с 1986, 1989 и 1992 годов.
Люблю вас, ребята.*

Stephanie Evanovich
BIG GIRL PANTIES
Copyright © 2013 by Stephanie Evanovich

© Гохмарк Э., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Благодарности

С искренним волнением и восхищением я бы хотела поблагодарить следующих:

Боба Подраски – за то, что велел мне: «Да заканчивай уже!» – и сказал, что поможет.

А потом помог.

Андреа Чирилло – за то, что ответила на звонок Боба. А потом на сотню моих.

Мег Рули – за предложенное название, над которым хихикаю до сих пор.

Рэйчел Каан – за то, что она лучший редактор из тех, что могут работать с писателем.

И за то, что мне с ней весело.

Лазйт Стелик – за то, что с ней легко. Что именно? Все!

Майкла Моррисона – за то, что раскопегарил свою читалку.

Команду «HarperCollins»/Уильяма Морроу – Триш Дэйли, Кэти Гордон, Хайди Рихтер, Джен Харт, Меган Трейнор, Линн Грэйди, Тавию Коуалчак, Шелби Мейзлик, Дага Джонса, Рэйчел Левенберг, Вирджинию Стэнли, Эрин Горам, Лори Янг, Джулию Мельтцер, Джейми Кернер, Мэри Шак и Андреа Розен – за усердную работу и самоотверженность.

Эми Паррат Косуэлл – за то, что была моей соучастницей в бесчисленных приключениях, в том числе и в этом.

Каролайн Мерфи – за умение отговорить от непоправимого поступка.

Джо Паламару – самого толкового персонального тренера в современном бизнесе. За его знания и мудрость на тему, как работает тело. И, дружище, говорю в последний раз: эта книга не про тебя.

Глава 1

– Прошу прощения, мистер Монтгомери, – извинялась хорошенькая служащая за прилавком, – но это все, что я могу предложить вам на следующий рейс.

Логану Монтгомери редко что-то сильно не нравилось, однако летать экономклассом он терпеть не мог. Он считал, что это дело прошлое. Даже с двумя соседними креслами места всегда не хватало. Можно было, подождав полночи, улететь первым классом, но Логан предпочел быстрее оказаться дома. Ему не только хотелось выспаться в собственной постели, но и дел на том конце у него было невпроворот.

Логан был глухо забронирован следующие три дня, и все из-за перестановок, которые ему пришлось сделать, чтобы успеть слетать по делам. Подготовка к футбольному сезону набирала обороты, баскетбольный сезон подходил к концу, а бейсбол был в самом разгаре, и если бы не Чейз Уокер, а кто-то другой неожиданно попросил его смотаться из Нью-Йорка в Торонто, он бы отказался.

Чейз был первым бейсменом в «Нью-Йорк Кингс», и хотя тренеры в штате команды были вполне квалифицированные, Чейзу был нужен только Логан. Само собой, желание бейсболиста с завышенной зарплатой и твоего лучшего друга – закон. Два дня Чейз под руководством Логана разминался и делал растяжки, а в то же утро хорошо потренировался, и теперь «золотой мальчик» был готов. Вообще, Логану было грех жаловаться. Эти спонтанные, единственные в своем роде услуги оплачивались по высшему разряду, и соответствующая сумма уже лежала на счету.

Логан сел на свое место, так что длинные ноги уперлись в спинку кресла предыдущего ряда. Он выпрямлял спину, пытаясь как-то уместиться, но все напрасно. Он тяжело вздохнул и прикрыл глаза, отсеивая внешние звуки: мимо него тянулись пассажиры, периодически вступающие в схватки с багажными полками. Капризничал ребенок, не желавший усаживаться на место, а оставаться на коленях у мамы. Логан беззвучно выдохнул заклинание дзен-мантры в благодарность за место у окна и не очень длинный полет. Убедившись, что сознание справилось с ситуацией, Логан пристегнул ремень безопасности. Тогда он поднял глаза и увидел ее.

О, умоляю, только бы не села рядом, – беззвучно взмолился он, наблюдая, как она идет по проходу: полные ляжки терлись друг об друга, грузные бедра натыкались на сиденья. Растрепанные каштановые волосы торчали в разные стороны. Отсчитав ряды, она остановилась возле Логана и бросила на него быстрый взгляд. *Ну почему мне всегда попадают то пожилая дама, то пьяный мужик, то толстая телка?* – подумал Логан. – *Боже, как же я ненавижу этот экономкласс!* Мантра не помогла, он скис.

Прекрасно, – думала Холли, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться своим сатанинским смехом и чтобы экипажу не пришлось вызывать службу безопасности. Мало того, что она терпеть не могла летать. Мало того, что ей пришлось отказаться от забронированного на тот же день рейса и остаться ночевать в Торонто, проведя, как ей казалось, сеансов двенадцать со скупщиками акций уровня Майка Тайсона. Ей даже удалось сохранить рассудок, когда она, приняв в отеле пузырек геля для душа за шампунь, намылила им голову, превратив давно не стриженные волосы в неуправляемую копну с цветочным запахом. После сушки феном стало только хуже, и у нее не нашлось даже резинки, чтобы собрать их в хвост. Из-за набранного за последние месяцы веса пояс брюк давил, как жгут. Лямка лифчика больно врезалась в правое плечо. И теперь еще придется провести следующие два часа, придавив телом самого Адониса.

Холли почти физически чувствовала исходящее от него отвращение к ней – это было заметно уже по злomu выражению его красивого лица. Что ж, одним своим появлением она только что разозлила еще одного человека. Сжав зубы, она засунула потертую коричневую сумку под кресло впереди и, поспешно проведя рукой по нагромождению волос на голове,

уселась на свое место. Чтобы места было больше, она подняла подлокотник. Стараясь казаться непринужденной, она глубоко вздохнула, насколько возможно втянула живот и пристегнула ремень безопасности.

По крайней мере, обошлось без удлинителя, – размышлял Логан. Он немного боялся вдохнуть, вспомнив толстую, сидевшую рядом с ним несколько лет назад, от которой пахло вареными яйцам и тухлым сыром. Он сделал осторожный вдох. От нее пахло детской присыпкой и лавандой – определенно лавандой. Он немного расслабился и сдержанно кивнул ей.

Он не мог не заметить, как при взлете побелели костяшки ее пальцев. Она крепко сжала кулаки. Странно, но больше никаких внешних признаков страха не было. По крайней мере, она не принялась причитать, не расстроилась и не прибегла к глупым уловкам, чтобы оказаться в «хорошем месте». Однако, присмотревшись, Логан понял, что она не просто сжимала подлокотник. Она не двигалась. Совсем. Он бросил быстрый взгляд на ее лицо, чтобы удостовериться, что она не посинела. Женщина смотрела прямо перед собой широко раскрытыми глазами, сосредоточив внимание на точке где-то в голове самолета.

– Дыши, девочка, – само собой вырвалось у Логана.

Бледная Холли моргнула и попыталась вдохнуть – Логану показалось, что у нее перехватило дыхание.

– Я плохо справляюсь со взлетом, – со свистом выдохнув, ответила она.

– Ты прекрасно справляешься, – уверенно сказал он и раскрыл журнал.

Благодарю, Супермен, – подумала она, когда самолет начал выравниваться. – *Тебе хорошо говорить. Спорим, ты и сам по себе умеешь летать, просто сейчас в отпуске.*

Когда они уже поднялись в воздух и Холли перестала паниковать, она заметила, какой он холеный. Наверное, каждый месяц исправно ходит стричься. И ресницы у него длиннее, чем у нее, и он в зеленой тенниске с джинсами умудряется смотреться нарядно. Его широкие плечи требовали простора примерно так же, как ее бедра и ляжки, вот только он был весь – рельефные мускулы, а Холли – сплошная объемная масса. Она заглянула в журнал, который он непринужденно листал. «Health and Fitness». На его страницах красовались десятки накачанных упругих тел – таких, как у него. Скучные предметы одежды на фотомоделях казались нарисованными на их идеальной загорелой коже. Они сверкали зубами великолепной белизны и напрягали мышцы, позируя на фоне водопадов, бассейнов и скал с видом на теплые солнечные пляжи. Были в журнале и изображения людей, похожих на Холли, – все они сопровождались жирной надписью «до». Под присягой утверждать она бы не стала, но ей казалось, что эти фото были сделаны у продуктовых магазинов. Над верхней губой Холли собрались капельки пота.

Стюардесса с сервисной тележкой, ужасно похожая на фотомоделю со страницы двадцать пять, остановилась у их ряда и «включила» улыбку. Холли только и оставалось прилагать все усилия, чтобы громко не фыркнуть. Тут он заговорил. Больше не скованная переживаниями при наборе самолетом высоты, она теперь могла прислушаться. Даже голос у него был бархатным, ровным и шелковистым, с немного тягучим выговором, что было очень привлекательно. Немного полюбезничав со стюардессой, он попросил бутылку воды, но от еды отказался. Холли последовала его примеру, точно зная, что лишила их обоих какой-то мучительной, пагубной радости, не сказав «я бы взяла от тебя все». Когда сервисная тележка покатила дальше, Холли повернулась к Логану и хмыкнула.

– Ничто так не портит аппетит, как габариты кресла. Готова поспорить, что на этом самолете еще манчинов из страны Оз перевозили. – Холли любила бить в точку – поэтому сразу наступила на большую мозоль, – но при этом ей хотелось кусать локти. С чего вдруг она считала своим долгом испытать этот образчик мужского достоинства? Она точно знала с чего. Ведь ей придется провести с ним целый час, и она понимала, что не достигла нужной отметки на его

счетчике первых впечатлений. И чтобы весь полет не сидеть как истукан, пытаюсь не попасть в неловкое положение, нечаянно задев соседа, ей придется расположить его к себе.

Как ни странно, он улыбнулся, продемонстрировав свои достойные гламурного журнала белоснежные зубы, и слегка пожал плечами. Он привык к тому, что при виде его люди робели.

– Кстати, самолетная еда воняет. – Он говорил с искренней улыбкой. Верил в карму.

Логан распознал, что она почувствовала его первоначальную реакцию при виде ее. И он не хотел, чтобы его отнесли к типу людей, которые специально вызывают у других чувство неудобства за самих себя. Он просто занятой человек, на время попавший в сложные обстоятельства. Человек слишком важный, чтобы лететь экономклассом в переполненном самолете. И ему стало неудобно, что он с порога плохо подумал про соседку. Особенно про то, как от нее пахнет. Пахло лавандой, в основном от ее волос. Лаванда ему всегда нравилась.

– Логан, – представился он.

– Холли. – Она протянула пухлую руку без маникюра, и он пожал ее. У него была сильная мужская ладонь, которая не была ни огрубелой или заскорузлой от физического труда, ни вяло-нежной лапкой изнеженного красавчика. – Холли Бреннан. Приятно познакомиться. Простите, если немного вас придавила. В первом классе мест не было.

Ну вот, они в одинаковом положении. Хотя, судя по внешнему виду, покупка дополнительного пространства серьезно ударила бы по ее карману.

– Да, знаю. Мне тоже отказали в посадке. Кажется, какой-то тип крупно выиграл в лотерею и купил билеты в Нью-Йорк всей родне, чтобы те забрались на статую Свободы или покидали монетки с Эмпайр-стейт-билдинг, – пояснил он. – Кто бы мог подумать.

Ну конечно – ему отказали. Судите сами, с чего вдруг греческий бог станет добровольно тусоваться с простыми смертными? Рядом с таким мужчиной нельзя не составить опись собственных изъянов. Судя по внешнему виду, ему место в собственном частном самолете, где он мог бы смаковать «Патрон»¹ или что там у суперстильных принято сейчас поглощать. Не похоже, что он привык быть втиснутым, как сардина в банке, в экономкласс. И теперь приходится ему вести светскую беседу с такими, как она.

Беседа у Холли не клеилась: слова поспешно рвались наружу, но были все не те.

– Никогда не думала, что эконом и первый класс так сильно отличаются друг от друга. Прямо как день и ночь. Правда, с тех пор, как мой зад отрастил вторую половину, я это замечаю.

Уже второй раз она попыталась прямо указать на свои габариты, но Логан снова отказался подхватить шутку. Однако тактика Холли была ему ясна: смейся над собой, не давая шанса другим. Классический защитный механизм.

С профессиональной точки зрения Логана не могло не интересовать, какой тип телосложения скрывается за комплексами Холли Бреннан. Телосложение – его работа. У Холли были лучистые зеленые глаза и милая улыбка, несмотря на то что к ней прилагались двойной подбородок и обидные насмешки над самой собой. Рыжие волосы, по крайней мере, в тот момент, могли сойти за пожар третьей категории. Одежда мятая, как будто она в ней спала, причем беспокойным сном. Любая другая в таком прикиде показалась бы безумной. Однако Холли Бреннан с виду за сумасшедшую не примешь. Она просто выглядит усталой.

Логан не хотел, чтобы Холли подумала, будто он ее осуждает, и не стал возлагать ответственность на нее одну.

– Держать себя в форме – ежедневный труд, – заметил он. Он знал: если хочешь узнать больше о человеке, надо, чтобы тот почувствовал себя в безопасности настолько, чтобы

¹ Текила премиум-класса производства США, которую можно пить не только традиционным способом, одним глотком с солью и лимоном, но и смаковать охлажденной до шести-восьми градусов и разлитой в крупные фужеры.

открыться. Ему хотелось, чтобы Холли было комфортно, и тогда, возможно, она перестанет зажиматься и заговорит.

– Смотреть, как умирают, тоже ежедневный труд, – сморщив круглое лицо, пробормотала она.

– Простите, что вы сказали? – Логан не ожидал услышать нечто настолько печальное, его лицо выражало изумление.

– Я никогда не была худой, – выпалила Холли, вдруг почувствовав замкнутость окружающего пространства, – но когда покойному мужу поставили диагноз, еда показалась мне тем единственным, на что я всегда могла рассчитывать, понимаете?

В своем воображении Логан стукнул себя кулаком по лбу.

– Очень сожалею, если показался излишне любопытным. Вы так молоды, чтобы уже потерять... – *Сглаживай*, – думал он, осекшись. Ни вдовство, ни потери в общем-то не имеют возрастных ограничений. Куда к чертям вдруг делось все его самообладание? Видимо, осталось в первом классе, вместе с горячим полотенцем.

– Да ничего. – Она терпеть не могла жалости. Но еще больше ненавидела себя за то, что только что воспользовалась статусом вдовы, чтобы поставить попутчика в такое же неудобное положение, в каком была сама. К тому же он, наверное, не виноват, что сам – совершеннейший франт, причем состоятельный, и с этим типом людей никогда не происходит ничего плохого. Она торопливо досказала, уже жалея, что завела этот разговор. – Тридцать два года. Познакомились в колледже. Он находился дома до... целых полтора года. А потом... – Холли замолчала, чувствуя, как расшатывается барьер, чего она ни за что бы не допустила с совершенно незнакомым человеком. Она и так рассказала больше, чем собиралась. – Ну, потом, – она пожала плечами, мысленно возвращая кирпичи на место, – не знаю. Это ведь уже не важно?

Нет. Не важно.

– Сожалею, – повторил Логан, боясь, что может снова лишиться дара речи.

Так они и сидели в неловком молчании, и слово «сожалею» заполнило собой окружающее пространство. Он сожалел о ее положении. Она сожалела о самой себе.

Измотанная тоской и ненавистью к самой себе, Холли, бессознательно пытаясь прикрыть жировые складки на животе и боках, сложила руки перед собой. Ей вспомнилось, как не более двух часов назад в аэропорту у стойки обслуживания представитель авиакомпании, смерив Холли недоброжелательным взглядом, зарегистрировала ее на одно из последних мест и как она не слишком мягко предложила Холли дождаться следующего рейса, чтобы сохранить место в первом классе, которое Холли зарезервировала, чтобы избежать неловкости, если пришлось бы покупать два места в экономклассе. Посмотрев на представителя пристальным взглядом и вслух заключив, что одного места вполне достаточно, она одержала победу, но радости не испытала. Холли слегка изменила положение в кресле и этим движением изменила и ход своих мыслей, направив их на все свои потери последних трех лет и на то, как быстро они пролетели. Логан украдкой изучал ее. Она выложила ему все во время полета из Торонто в Ньюарк. Сделала ли она это из-за его первоначальной реакции, которую ему, возможно, не совсем удалось скрыть? Осудил бы он ее так быстро, если бы они оба сидели в первом классе? Вообще, задержал бы он на ней свой взгляд? Протянул бы руку, начал бы разговор, если бы не вторглись в его собственную зону комфорта? Во имя кармического исследования он решил, что, вероятно, стоит узнать больше.

Собравшись с духом, Логан начал сначала:

– Итак, вы возвращаетесь или уезжаете? Вот я возвращаюсь. Живу в Нью-Джерси, Энглвуд.

– Надо же, совпадение, – повернув к нему голову, вежливо удивилась она и снова нахмурилась. – Я живу в Энглвуд-Клиффс. В Торонто у мужа был счет, который надо было урегулировать.

Мысль о карме вернулась, накрыв его будто волной. У него появился шанс исправиться, протянуть руку другому и в то же время вернуть равновесие самому себе. Логан немного помолчал, тщательно подбирая слова.

– Вы пережили тяжелый период, это понятно. Когда направляешь внимание на другого, запустить себя ничего не стоит. Дело, однако, в том, что вы здесь, полны жизни и слишком молоды, чтобы сдать позиции. Я мог бы вам помочь избавиться от некоторых вредных привычек. Возможно, вы даже почувствуете себя лучше.

– И каким же образом? – Заинтригованная тем, что он пустил в ход свои чары, она искоса бросила на него скептический взгляд.

– Я персональный тренер, – пояснил он, – работаю в основном со спортсменами. Живем мы по соседству, и мне ничего не стоит составить для вас программу.

Она ощетижилась.

– По-вашему, я похожа на спортсменку? Боюсь, у меня для вас плохая новость: спортом я последний раз занималась, когда Билли Джин Кинг подначивала Бобби Риггса².

Он расплылся в улыбке:

– Что-то я сомневаюсь. Дело было в семидесятых. Вы, наверное, еще не родились. Кроме того, я сказал «в основном».

Отвечать на его улыбку она не стала.

– Ценю вашу щедрость, но этого не потребуется. Спасибо.

Однако Логан уже несся на волне вдохновения, какого не случалось много лет, и идея укоренялась в нем все прочнее. Он тряхнул головой и рассмеялся:

– Кто говорит о щедрости? Мне для раскрутки бизнеса. Что-то вроде профессиональной деформации.

Сомневаться не приходилось: она ни за что не осилит его ценовой ярлык в пятьсот баксов за час, и новый бизнес был ему нужен примерно как собаке пятая нога. Но помимо желания искупить свое не слишком приветливое поведение, Логаном внезапно овладело непреодолимое чувство, что вот, мол, он, мой реальный шанс. О своей работе он теперь думал как о чем-то весьма обычном. Все чаще казалось, что сам он не что иное, как переоцененный счетчик повторов и противник новейших повальных увлечений препаратами и ускорителями метаболизма. Программа с Холли стала бы отдушиной в его непосильной утомительной работе.

Когда Логан начинал работать тренером – задолго до Чейза Уокера, Илайя Мэннинга и других профессиональных спортивных игроков, – его посещало в полном смысле чувство удовлетворения, когда он демонстрировал начинающим, на что они были способны. Какой это был кайф: доводить кого-то до пределов их возможностей и наблюдать за превращением, особенно у женщин. Женское тело в движении было чем-то совершенно особенным. В нем было намного больше естественного баланса, намного больше грациозности. Логан знал, как оно совершенно по-другому отзывалось на силовые тренировки, и это было заметно. Как давно ему не приходилось браться за сложную задачу – раскрыть заложенный в женщине потенциал. А Холли была совершенно не в логановском вкусе, так что сексуальное влечение сводилось к минимуму. В начале его карьеры это часто становилось камнем преткновения, когда речь шла о клиентках. Он давно признал за собой это проявление непрофессионализма как слегка позорное. Почему-то его тестостерон и их эстроген, смешанные с всплеском эндорфина, иногда превосходили силу его сопротивления. Масла в огонь подливал тот факт, что почти всех женщин, с которыми он брался работать, он изначально находил привлекательными. И не считал это зазорным. Проблема решалась сама собой по мере роста его клиентуры за счет товари-

² Речь идет о «Битве полов» – теннисном матче 1973 года между ветераном мужского тенниса Бобби Риггсом и одной из ведущих профессиональных теннисисток того времени Билли Джин Кинг. Матч состоялся на фоне борьбы женщин-теннисисток за равные призовые с мужчинами, которую возглавляла Кинг, и, закончившись ее победой, значительно способствовал достижению этой цели.

щей по команде его самых престижных заказчиков, вместо привлекательных женщин. Однако с Холли сохранять профессиональные отношения было бы несложно. Она была бы идеальным проектом. Он помог бы ей вернуться к жизни и получил бы удовольствие в процессе ее превращения.

Логан предложил заведомо заниженную сумму, и Холли, перестав хмуриться, размышляла. Предложение исходило от необычайно привлекательного загорелого и темноволосого незнакомца с большими шоколадными глазами. *Кто не любит шоколад?* – развеселившись, подумала она. Он напоминал щенка сенбернара, той самой породы, чьей службой было прийти на помощь к отчаявшимся людям. Щенка сенбернара с восхитительной косой саженью в плечах и выпуклыми бицепсами. Возможно, при всем при том он неплохой парень. А если плохой, то так ему и надо, раз взвалил на себя пару месяцев по несколько раз в неделю заниматься с ней. В любом случае какой может от этого быть вред? Она так давно ни с кем не общалась, и это не самое плохое место, чтобы начать.

Весь остаток полета ни один из них больше ничего не сказал о его предложении. Логан развлекал Холли рассказами о времени, проведенном в Бразилии, где он учился боевым искусствам, надеясь отвлечь ее во время снижения самолета. И это сработало: он настолько завладел ее вниманием, что она почти не заметила, как они приземлились. После посадки они вместе дошли до парковки. Прежде чем расстаться, Холли попросила у него визитку, сообщив, что принимает вызов и свяжется с ним.

– Запишитесь прямо сейчас. – Он ухватился за возможность не позволить ей долго думать и найти отмазку. Не дожидаясь ответа, он залез в рюкзак, протянул ей визитку, достал смартфон и попросил ее номер. – Как насчет четверга, в шесть вечера?

Бросив быстрый взгляд на визитку, она, не медля ни секунды, согласилась.

– Идет, Логан Монтгомери.

Глава 2

Логан ногой закрыл дверь в свою роскошную квартиру на десятом этаже, стараясь сохранить равновесие и удержать рюкзак, спортивную сумку, почту и ключи. Локтем дотянувшись до выключателя на стене, он включил свет, прошел в комнату и, стоя у стола, принялся рассеянно просматривать почту, в который раз поражаясь, как много ее собирается всего за несколько дней. Счет, чек от клиента, счет, журнал, чек, рекламный листок, каталог товаров для фитнеса, счет, журнал, чек от клиента.

Логан задумался. Он только что взял себе новую клиентку – спонтанное решение, родившееся из энтузиазма и угрызений совести. Новая клиентка была настолько далеко за пределами уровня его теперешних программ, что этот опыт и из него самого сделает практически новичка. Он и не помнил, когда в последний раз брал клиента, чтобы начать с нуля. Придется подучить пособие для начинающих. Собственное образование пополнить не помешает. Он продолжил просматривать почту, однако его прервал звонок в дверь. Бросив письма на стол и взглянув на настенные часы, он вернулся к входной двери. Поздновато для стихийного визита. Он открыл дверь, и его лицо расплылось в легкой улыбке.

Она была высокой и стройной, хрупкого телосложения. Белокурые, идеально уложенные волосы, отливающие блеском розовые губы, круглые томные глаза. В обтягивающих джинсах, голубом атласном топике и белом кожаном жакете она идеально сочетала в себе беспризорницу со знойной обольстительницей. Это был образ, украсивший сотни журналов и сделавший из Натали Кимбал звезду.

– Когда ты не ответила на сообщение, я решил, что тебя нет в городе, – растягивая слова, он отошел, давая ей войти.

– Ну и как тебе такой сюрприз? – Натали ласково слегка ущипнула его за щеку и устремилась в гостиную. Ему нравилась ее решительность. Он последовал за ней, с удовольствием вдыхая сладковатый аромат духов.

– Я только что вернулся. Время ты подгадала, из тебя выйдет отличный следопыт, – шутливо заметил Логан, входя за ней в гостиную, но она вдруг резко остановилась и набросилась на него, по-видимому обидевшись на шутку.

– Почти двести дней в году я летаю, – шумно дыша, сказала она. – И знаю, как справиться о расписании рейсов. Не лести себе, Логан, не такой уж ты особенный.

И все-таки он был особенным, хоть Натали и не хотела признаваться в этом, даже самой себе. Логан Монтгомери был отличной партией, она в этом быстро разобралась. У него было все, чего желали девушки. Он хорошо зарабатывал и дружил со знаменитостями. Был самоуверен, красив и мил, мог подстроиться под любую ситуацию с легкостью, которая могла быть только врожденной. Он никогда не указывал ей, как вести ее собственные дела, если только она не просила его совета. Он был добродушным и отлично разбирался в бизнесе. Никогда не относился к ней свысока и всегда ценил ее ум. А еще *секс*. Логан любил ее так, будто доводить женщин до оргазма было целью всей его жизни, а она была единственной женщиной на земле.

Проблема была только в одном. За пределами спальни Логану было присуще равнодушие, даже холодность. Возникало ощущение, что он мог бы хоть завтра прекратить с ней встречаться и при этом не сбился бы с ритма. Он никогда не выражал недовольства, если ей приходилось ему отказывать. Он никогда не задавал вопросов о том, где она, и даже особо не интересовался этим, если не брать в расчет вежливые расспросы. Он с очаровательной виртуозностью увертывался от любого намека на обязательства. Он никогда не выказывал ни толики ревности, если другие проявляли внимание или ухаживали за ней. У него не появлялось страстного желания касаться ее на публике, когда они ходили на мероприятия, хотя иногда он это и делал. На ранних стадиях их четырехмесячных отношений это было даже интересно, но теперь

она решила, что пора что-то менять, а он, похоже, ее решение не поддерживал. Это начинало ее бесить. Получив полное намеков сообщение о том, что он ждет посадки на обратный рейс, она прождала на парковке у его дома целый час.

– Ну что ты, красотка, – сказал он, чтобы поскорее загладить вину, и шагнул к ней. – Я просто пошутил. Глаз на тебе отдыхает, с этим не поспоришь, жалко только, что ты не поджидала меня прямо у двери. – Просунув обе руки под волосы, он привлек ее к себе для основательного поцелуя – она покраснелась и тотчас милостиво подчинилась его ласкам. – В одном бантике, – выдохнул он ей в ухо, когда они сделали передышку. Убедившись, что удалось подавить зачатки истерики, он слегка отстранился и провел большим пальцем по ее нижней губе, стирая размазанный блеск.

– Ах, если бы оно так и было. – Она театральнo вздохнула, всматриваясь в его лицо. – Я бы до конца дней в одном бантике ходила. – Она пыталась подражать его небрежной манере. – Однако приходится утренним рейсом в Кали лететь, материал в «Reebok» готовить.

– Надолго в этот раз? – не отрывая глаз от ее рта, спросил он. Даже не глядя ей в глаза, он умел заставить ее сердце колотиться сильнее. Его взгляд уже выражал вожеление, желание смаковать ее опять. И снова. Это вызывало вожеление в ней.

– Недели две. – Натали еще раз вздохнула, уже ощущая слабость в коленях. Ее губы надулись в хорошо отрететированный очаровательный бантик. – В агентстве подобрали еще несколько встреч, чтобы выжать из поездки все. Может, и дольше, если какие-то из них себя оправдают.

– Тогда нам не стоит терять ни минуты. – Логан поцеловал ее еще раз, глубже, сильными руками содрал с нее жакет, отбросил его в сторону и привлек ее к себе. Потеребив кончиками пальцев пояс джинсов на поясице, он слегка погрузил руку внутрь.

– Наверное, я бы выглядел настоящим эгоистом, если бы овладел тобой прямо здесь, не предложив даже выпить. – Он неохотно оторвался от нее и, взяв за руку, повел в кухню. – Ты голодна?

– О да, голодна, – промурлыкала она, таща его мимо холодильника вдоль коротенького коридора прямо в спальню. Оказавшись там, она сразу прыгнула ему в объятия, обвила его длинными ногами и впилась губами в его губы. Логан с легкостью донес ее до кровати и, положив, быстро снял с себя одежду. Она ждала, наблюдая голодным взглядом, по опыту зная, что ему ужасно нравилось раздевать ее самому. Покончив со своей одеждой, он стоял перед ней, обнаженный и великолепный, решая, что снимет с нее первым делом. Она устала ждать. Протянув руку, она наблюдала, как от одного мягкого прикосновения его половой орган достиг состояния полного внимания. Не успела она повторить действие, как он принял решение.

Он взял топик Натали и снял его через голову, обнажив ничем не скованные торчащие груди. Увеличенные, конечно, ну и что? Накрыв каждую ладонью, он целовал их с чувством благоговения и сжимал нежную упругую мякоть, проводя юрким языком вокруг соска. В порыве страсти он толкнул ее, она откинулась назад, и он, сняв с нее туфли, по одному бросил их через плечо. Он расстегнул джинсы и еще более быстрым движением стянул их, нарочно оставляя трусики. Раздвинув ей ноги и встав на колени, он поцеловал самый их центр, и тонкий шелк был единственной преградой между его губами и ее быстро увлажняющимся влагалищем. Он провел языком вдоль линии трусиков на внутренней стороне бедра и, дразня ее, погрузил его за линию. Ухватившись большими пальцами за лямки на бедрах, он стянул трусики и опять поцеловал ее там. Она издавала стоны, все более гортанные, пока Логан проходил языком по складкам, не торопясь, но с каждым движением приближаясь к клитору. Там он задержался, наслаждаясь звуками, которые исходили от нее. Когда он наладкомился и удостоверился, что она намокла и возбудилась, он поднял Натали и, присев на край кровати, усадил ее верхом себе на колени. Он потянулся к тумбочке, выдвинул ящик и достал оттуда презерватив.

– Сегодня, детка, не стоит рисковать. Где только я не был, – поддразнил ее Логан своей дежурной фразой. Устроившись снова на кровати, он протянул ей упаковку из фольги, но продолжал держать за другой конец.

– Загадай желание. – На его губах играла дьявольская улыбка.

Я хотела бы не нуждаться в них, – подумала Натали. Она захватила свободный край упаковки, и они разорвали ее. Логан поймал презерватив и быстро надел его, прежде чем усадить ее на свою пульсирующую эрекцию.

Они стонали в унисон. Крепко держа ее за бедра, Логан без усилий направлял ее вверх и вниз, пока она сама не поймала его ритм. Покрепче обняв его за шею, она двигалась как в седле. Вдруг, гортанно застонав, она впилась ему в плечо своими длинными блестящими ногтями и умышленно провела по коже.

– Следи за коготками, котенок, – проворчал он и решительно отпрянул.

Натали настойчиво продолжала впиваться ему в плечо. Она поцеловала его в щеку, поводила языком вокруг и внутри уха, придвигаясь к горлу. Поцелуй за поцелуем, и вдруг зубы.

– Нет-нет-нет. – Голос был хриплый от страсти. Почувствовав неладное, он оторвал ее от своей шеи. – Не кусаться, – предостерег он, легонько встряхнув ее. Такое случалось и раньше. Ему нравилась ее агрессивность, однако он терпеть не мог неустанные попытки пометить его. Она упорно целилась в шею – в этом читалось желание отправить что-то вроде сигнала, заявив, что он несвободен. Сам он в этом участвовать не желал.

– Прости, – притворно смутившись, будто ее застали врасплох, ответила она. Она почти полностью отделилась от него, но тут же надвинулась вплотную, и ее мускулы стали сокращаться, когда они соединились. Она услышала, как он довольно выдохнул, и повторяла это действие, пока не удостоверилась, что его настигло состояние иступления от ее движений. И тогда она вернулась к основанию его шеи. Стараясь, чтобы ее движение больше походило на поцелуй, она засасывала и при этом отводила губы. Стратегия оказалась успешной, и она продолжала. Когда она взялась за дело в третий раз, рот был слишком влажным, и всасывающий звук уже было не спутать ни с чем.

– Натали. Что я тебе сказал? – упрекнул он ее и, не теряя больше времени, поднялся. Он бросил ее лицом на кровать и тут же приподнял. Ее колени не успели коснуться матраса, как он уже ловко вошел в нее сзади, даже не сбившись с ритма. Его подход кардинально изменился. Куда-то делись щедрость и неторопливость: теперь он овладевал ею грубо, усердно работая бедрами при каждом толчке, так, чтобы добраться до ее самого чувствительного места.

– Логан, – стонала она. Как же его раздражали шрамы любви. Крепко держа ее за талию, он сладострастно трудился над ней, все быстрее и грубее, приближаясь к собственной разрядке. Она безуспешно пыталась негодовать по поводу знакомого покалывания, начавшего разрастаться у нее внутри, пока он мастерски вдавливался в нее снова и снова, скорее наказывая ее, чем улажая. Покалывание расцвело и разрослось, оттеснив все остальные чувства. Она сжала кулаки и колотила по кровати, уступая. Его ноги напряглись, он сжал ее еще крепче. Она, кончая, выкрикивала в покрывало его имя.

Они лежали среди вороха смятого белья. Натали устроилась на его гостеприимной руке и положила голову ему на грудь. Он натянул простыню, прикрыл себя и ее, отгородив от прохладного воздуха их усталые влажные тела. От прежнего гнева после пережитого взаимного оргазма не осталось и следа. *Ему даже обнимашки нравятся,* – размышляла про себя она, прижимаясь к нему. Это был какой-то полубог секса.

– Черт тебя дери. – Логан поворочался на подушке в изголовье кровати и по новой ощутил острую боль от царапин на спине. – Думаю, мне нужен неоспорин³. Такое ощущение, что ты меня пырнула, и не один раз.

Натали усмехнулась, даже не думая сдвинуться с места. Ее голова двигалась в такт колебаниям от сокращения его мышц. Будто катаешься на грудной волне, чистое наслаждение.

– Да ладно, – дразнилась она, когда они снова улеглись, – а я-то думала ты крутой чувак. Но с превеликим удовольствием растерла бы тебя чем там надо, чтобы инфекции не было. Хочешь проверить, нет ли у меня ржавчины на ногтях? А прививки ты все сделал? – Она поднесла руку к его лицу.

– Как смешно, – рассмеялся он, игриво отмахиваясь от ее руки, и поскреб ее спину. И тут он вспомнил. – Ты понимаешь, что если я в зеркале найду засос, то рассержусь по-настоящему.

Она приподняла голову для быстрого осмотра и стала раздумывать, сказать что-то или нет. В тусклом свете, падающем из прихожей, она видела нечеткий след своего прикуса и что-то похожее на синяк. Если повезет, к утру следов не будет. Натали поморщила носик, жалея, что в первый раз упустила свой шанс укусить его посильнее до того, как он насторожился. И с его яростью она бы справилась, если бы сделала свое дело. Конечно, след на шее был низко, и его будет не видно, если Логану нужно будет приодеться. Она надеялась, что еще несколько часов сможет удерживать его в постели и тем самым избежать конфликта. Она опять устроилась на его груди и стала водить рукой по твердому животу, возможно, чтобы отвлечь от темы разговора.

– Так надень рубашку с воротничком. Не вижу большой проблемы. – Слова вылетели сами собой, хотя она изо всех сил старалась действовать из лучших побуждений, и ее блуждающая рука замерла на подступах к паху.

– Большая проблема в том, – отчеканил он, – что я не признаю, когда у меня по всему телу вытатуированы подробности моей сексуальной жизни.

– Знаешь, – сказала она уныло-снисходительным тоном, раздраженная нарочитым употреблением слова «секс» вместо слова «любовь» при описании их постельной деятельности, – на свете полно мужиков, которые бы гордились этими знаками внимания, получив их от меня.

– Тогда, наверное, и спи с ними, – отпарировал Логан, добродушие которого начинало иссякать. Зачем она постоянно напоминает ему о своей привлекательности? В этом была какая-то скрытая навязчивость. Когда она не совала свою желанность ему под нос, ему приходилось напоминать ей, какая она красавица. Или, что еще хуже, слушать, как она высказывает неудовлетворенность собой. Да она фотомодель, в конце-то концов, и все, что она зарабатывает, зиждется на внешности.

Натали понравилась Логану сразу, как только они познакомились в Лас-Вегасе на спортивной выставке. Она демонстрировала товары, он был посетителем. Он даже не пытался скрыть свое восхищение ее упругим цветущим телом. Поначалу Натали была таинственной и манящей. Жизнь у нее была, как и у него, насыщенная и интересная. Она была живой и остроумной, что делало ее еще привлекательней. Каждая их встреча была подобна урагану. Каждую минуту вечера, отведенную на положенное «свидание», они проводили в ожидании момента, когда окажутся за закрытой дверью. Логан размышлял о том, как Натали под воздействием нескольких умелых движений его руки превращалась из как будто бы робкого котенка в тигрицу и как после ему всегда хотелось еще. Однако в последние несколько недель у него было чувство, что они монотонно качаются на доске. Он понимал: бывают дни, когда женщине кажется, будто она недостаточно привлекательна или не уверена в себе, и ей приходится напрашиваться на комплимент, который он всегда выдавал с готовностью и с удовольствием. Но в

³ Мазь для заживления ран и предотвращения инфекций.

последнее время все их разговоры велись в одном и том же направлении и заканчивались в одном и том же месте. Месте, избегать которого ему надоело.

Натали сделала еще одну попытку поиграть на струнах его ревности.

– Может, я уже сплю с ними.

– И я смогу их вычислить по засосам и царапинам? – Логан предпринял попытку вернуть разговору непринужденность.

– Знаешь что, Логан? Иногда ты просто придурок. – Потянув на себя простыню, Натали неплотно завернулась в нее, как в тогу, и встала. Она принялась сердито рыскать по комнате в поисках сброшенной одежды. Логан приподнялся на согнутом локте, положил голову на ладонь и наблюдал за ней – тот факт, что она решила прикрыться, причем в почти совершенной темноте, не ускользнул от его внимания.

– Ладно тебе, Нат, – в конце концов мягко сказал он и свободной рукой похлопал по ее месту на постели. – Уходить необязательно. Сейчас поздно. Я хочу, чтобы ты осталась. Иди ко мне. А утром отвезу тебя в аэропорт.

Она прекратила поиски, включила свет и уставилась на Логана: он лежал перед ней абсолютно голый, вытянувшись во весь рост. Он был так великолепен, что было даже больно смотреть. Его слова прозвучали искренне, и ей хотелось поверить. Но последняя фраза выдала его – он понимал, что утром избавится от нее. Он также, по-видимому, понимал, что агентство пришлет за ней машину. Да он ни за что не стал бы отменять утренних клиентов, чтобы отвезти ее в аэропорт. А предложил просто, чтобы не выглядеть плохим парнем. Логан плохим парнем никогда не был – он просто был парнем без обязательств. Можно забыть о проникновенном признании в любви. Она поняла, что ничего такого не ожидается.

Его уговоры вернули ее из задумчивости.

– Ну что ты стоишь там, вся закутанная и злая? Будто я не знаю, сколько жара под этой простыней. Волосы растрепаны, и от этого ты адски сексуальна. Иди ко мне, я продемонстрирую, как сильно ты меня заводишь.

– А когда ты собираешься сообщить мне, что мое желание исполнилось и я могу больше не вскрывать упаковки презервативов? – в лоб спросила она, внезапно решив поднажать, а потом разбираться с последствиями.

– Опять ты за свое? – Он ворча откинулся на постель, все следы его игривого и ласкового тона улетучились.

Натали возобновила поиски одежды и металась по комнате, ища топик и явно негодуя.

– Ты говоришь так, будто я прошу тебя о какой-то вопиющей жертве. Конечно, иметь в своем распоряжении шлюху жутко удобно, но мне это немного наскучило.

– Я никогда не обращался с тобой как со шлюхой. – Он вздохнул, глядя в потолок. – Хотя бы исходя из того, что я тебе не платил.

– Лучше бы уж платил, – прошипела она в ответ. – Тогда у меня хотя бы было четкое понимание своего положения и я не теряла бы время, рассматривая тебя как вариант.

Логан больше не намеревался возвращаться к этому разговору. Его все больше утомляло лавирование среди словесных мин только ради жаркого секса. Секс, безусловно, не был тем, о чем Логану приходилось волноваться. Он мог получить его в любое время и с минимальными усилиями. Вот что ему не удавалось, так это найти ответ на вопрос, зачем он все еще крутился с Натали на этой воображаемой карусели. У него не было особого желания обладать кем-либо на праве собственности, и его, уж конечно, совершенно не привлекала перспектива, чтобы обладали им.

Логан встал с кровати и, ничего больше не говоря и не прикрываясь, направился на кухню за остро необходимым стаканом воды. Может, и Натали поостынет.

Оставшись в спальне одна, начисто сброшенная со счетов, Натали быстро оделась. Намеваясь уйти, даже не удостоив Логана взглядом, она поспешно прошла мимо того места, где

он стоял, опершись о кухонный стол, и ринулась к выходу. Когда она дошла до гостиной, его голос остановил ее:

– Разве не достаточно тебе иметь в своем распоряжении десятки мужиков? Зачем тебе так настаивать, Натали? Зачем вносить сумятицу в нечто хорошее?

– Значит, если связать себя обязательствами со мной, это внесло бы сумятицу в хорошее? – с недоверием спросила она, обернувшись на доносившийся из кухни голос, довольная, что успела подготовиться к изысканному великолепию его обладателя. Она твердо решила не поддаваться.

Логан не собирался допустить, чтобы разговор свелся к скандалу. Он вообще не относился к скандалистам, но хорошо знал, что она – совсем другое дело. Он молча осушил содержимое стакана, поставил его на стол и вышел из кухни.

– Мы пару месяцев как встречаемся, – ответил он ровным голосом.

– Не пару. Четыре. Четыре месяца. Почти пять, – поправила она, судя по голосу и выражению лица, явно обидевшись.

– Половина из которых прошла в твоих разъездах по стране, – мягко ответил он.

– Уже через полтора года мой контракт заканчивается.

Он замотал головой и перебил ее:

– Речь не о твоей работе. А о слишком быстром развитии событий. Мы оба сейчас переживаем успешный период жизни, занимаемся чем-то хорошим. Вступая в отношения, мы понимали, что жизнь у обоих очень насыщенная, со множеством обязательств перед собой и перед другими. И я не думаю, что что-то изменилось. Пока. – Логан понимал, что слова прозвучали нетактично, хотя и не преднамеренно. Он попытался сгладить острые углы с помощью сомнительного комплимента. – Кроме того, думаю, что тебя это заботит лишь из-за того, что это я немного колеблюсь. Если бы я сам предложил тебе связать себя обязательствами, ты бы бежала от меня как черт от ладана.

– Неправда, – категорически сказала она, больше не заботясь, что может показаться отчаявшейся и назойливой. – Я знала, что ты какой-то особенный, как только мы познакомились. Разве ты этого не видел? Боже мой, разве ты этого не чувствовал?

– Я чувствовал, что мне невероятно повезло, что такая, как ты, лезет из кожи вон, чтобы проводить со мной свое свободное время, – искренне ответил Логан, хотя он не хотел обидеть ее еще сильнее, сообщив, что не чувствовал того же, что она. Он никогда не испытывал особенных чувств ни к одной женщине, вообще никогда. Ему и в голову не приходило, что это должно произойти. В то время он ни с кем больше не встречался, но и не придерживался мнения, что однажды наступит время, когда нужно будет поставить жирную точку в богатом выборе вариантов. Он обычно не встречался с несколькими женщинами одновременно, он признавал за собой неспособность к длительным отношениям. Плохо они чаще всего не заканчивались, а просто гасли, не успев разгореться. Женщины забредали в его жизнь и исчезали из нее, осознав, что он не шел на жертвы, чтобы приспособиться к их присутствию. Он никому из них ничего не обещал, никогда никого не подводил и всегда открыто заявлял, что у него не очень много свободного времени. У него был ненормированный рабочий день, и это был его выбор. И еще нужно было находить время для своих собственных тренировок. Все, что оставалось, это время побыть в своей берлоге и воспользоваться еще одним важным бонусом его профессии – билетами на любые спортивные мероприятия, на которые ему хотелось бы попасть. Он пока не был готов отказаться от времени в берлоге, по крайней мере не был готов отказаться навсегда. А с Натали, когда дошло до дела, глубоко внутри он понимал, что не смог бы стать мальчишкой-забавой у ненадежной, страстно царапающейся мегеры. Он не хотел потерять ее, но не собирался и врать ей или себе, только чтобы она осталась.

Логан нерешительно протянул к ней руки, и когда она не сделала попытки отпрянуть, нежно взял за плечи.

– Кроме того, если серьезно, Нат, я считаю, что ни ты, ни я не готовы к следующему шагу. Ведь придется каждый день общаться и семь дней в неделю и двадцать четыре часа в сутки докладывать друг другу свои координаты. Мы так замкнемся друг на друге, что будет странно проводить какое-то количество времени с представителями противоположного пола, когда будем расставаться на несколько недель подряд. Не ты ли хотела не давать делу слишком серьезного хода и планировала блюсти что-то вроде образа «бойкой одиночки»?

Сыграло *ему на руку*, – тоскливо подумала она и припомнила, как на первом свидании делала именно такие заявления, потому что вообще делала их часто. Многие выдают легкомысленную болтовню до того, как решить, есть ли взаимное притяжение. Может, не из соображений сохранения публичного образа, а скорее из-за нежелания показаться чересчур заинтересованными. Логану вообще не пришлось ничего говорить, она сделала это за него. Ей даже в голову не приходило, что те слова так легко и быстро могут быть использованы против нее. И она никогда не думала, что может относиться к тому типу людей, которым приходится, нерешительно заглотив наживку, скрываться в засаде и, затаив дыхание, ждать, когда зазвонит телефон. От его прикосновения веяло теплом, и Натали прикрыла глаза: вот бы он привлек ее и обнял, а не держал на расстоянии вытянутой руки. Его бессознательное действие было красноречивее всяких слов, и она наконец прислушалась.

– Образа? А какой образ интересует тебя, только честно? – Открыв глаза, она остановила их на его идеальном лице, всей душой надеясь на какой-то знак: ему не безразлично, что она собирается уйти.

– У меня нет образа, – проведя рукой по ее волосам и легонько потянув за мочку уха, ответил он. – Я просто парень с парой тренажерных залов.

– Залов с богатой и знаменитой клиентурой, – слабо возражала она, устав от уловок, как его, так и своих. – Значит, по аналогии, ты один из них. И пожалуйста, прекрати делать вид, что мне одной придется потерять все, а ты благородно отстаиваешь мои интересы. От этого я чувствую себя еще большей дурой.

– Котенок, ты не дура. – Уголки его губ поползли вверх, придав лицу выражение, истолкованное ею как сардоническая улыбка. – Но, честно говоря, иногда ты ведешь себя глупо.

Вот оно что. Еще одно завуалированное оскорбление, аккуратно завернутое и упакованное в виде ласкового обращения. Наверное, настало время перестать за ним бегать и дать обоим решить, что они друг для друга значат, и значат ли вообще.

Она вывернулась от него, схватила с кофейного столика сумку, подняла с пола жакет и направилась к двери. Открыв ее, она мобилизовала весь свой благородный гнев и в последний раз бросила убитый горем взгляд на стоящего перед ней во всем своем обнаженном великолепии мужчину.

– Пошел ты, – уныло сказала она и вышла, сильно хлопнув дверью.

Логан не спеша направился вслед за ней – запереть дверь и выключить свет перед тем, как вернуться в постель. В прихожей в висевшем на стене овальном зеркале он быстрым взглядом выхватил свое отражение и остановился как вкопанный. Подойдя ближе и присмотревшись, он с досадой вздохнул. Потом обернулся к входной двери и в абсолютно пустой квартире произнес:

– А след все-таки останется.

Глава 3

Холли сидела на диване у себя в гостиной. В одной руке она держала пульт от телевизора. В другой – литровую бутылку кока-колы. Пакет кукурузных колечек с луковым вкусом был зажат между ног. Она бесцельно меняла каналы, переключая с одной программы на другую.

Казалось бы, еще один вечер, когда оживал один лишь телевизор. Обычно по вечерам она могла затеряться в комедийных сериалах, описывающих выходки незадачливых, неподходящих друг другу людей, влюблявшихся, несмотря на недостатки. Она могла раскрывать заговоры с целью убийства вместе с гламурными девицами, будто шагнувшими с журнальных страниц, а не из неопрятных полицейских участков. Они задерживали бандитов с помощью невероятно привлекательных партнеров-мужчин, которые считали девиц неотразимыми, невзирая на опасность и долг службы. Холли могла перемывать кости героям реалити-шоу, хихикая над дураками, добровольно пренебрегавшими своим достоинством ради возможности оказаться перед камерой. Но это был не такой вечер. Это был вечер перед первой тренировкой. Она волновалась. Меньше чем через двадцать четыре часа выглядеть дурой будет уже она. Холли нужно было отвлечься. Вот бы найти информативную рекламу, где Тони Литтл проталкивает свою «Газель»⁴. Даже когда состояние Брюса быстро ухудшалось, Тони Литтлу всегда удавалось вызвать у Холли остро необходимый смех – достаточно было увидеть, как его длинным, как у Фабио⁵, волосам с трудом удается не отставать от его бешеных как бы подскоков в такт выкрикиваемой им вдохновенной чепухе.

Холли остановилась на передаче о людях, страдающих патологическим накопительством. Герои передачи сильно смахивали на нее, но по горло погрязли в помойке из сломанных безделушек. В ужасе она неотрывно смотрела, как бригады уборщиков в защитных костюмах, действуя из лучших побуждений, приходили накопителям на помощь. Они сгребали с пола мусор, пока врачи спрашивали накопителей, что они чувствуют, обнаружив многократно прохудившееся и перепачканное крысиным пометом одеяло двадцатипятилетней давности или окаменелый фруктовый кекс, подаренный соседкой еще в тысяча девятьсот девяносто шестом году. Всего за час их дома были приведены в порядок, а проблемы решены. Она знала, что все было не так просто.

Передача прерывалась бесконечной рекламой того, что человек мог использовать, чтобы стать лучше. От этого жидкого крема ваша кожа замерзает и к ней будет невозможно не прикоснуться. От того шампуня вы превратитесь в магнит для мужчин. Фармацевтические фирмы распространяли препараты с целым списком побочных эффектов еще хуже самой болезни. *Конечно, у вас могут появиться суицидальные мысли, но по крайней мере вы сможете сказать, что бросили курить.* А еще здесь был нескончаемый парад рекламы о диетах. Знаменитости, у которых, по мнению Холли, и так были вполне приемлемые фигуры, превращались в «кожу да кости», и у них *сразу же* начиналась такая жизнь, о которой они всегда мечтали. Что, черт возьми, было не так с их жизнью раньше? Холли поморщилась, так как началась еще одна реклама – ее любимая. Про таблетку, от которой, как по волшебству, в рекордные сроки сбрасывают вес, но которую можно принимать только тем, кто «хочет всерьез снизить массу жира». Даже то, как комично выступающая произнесла слово «жир», нарочито растягивая три буквы для полного эффекта и чтобы подчеркнуть серьезность положения. Холли направила пульт на экран и выключила телевизор.

⁴ Тони Литтл – американский телеведущий, известный своими рекламными роликами в сфере фитнеса и своим продуктом «Газель».

⁵ Фабио Ланзони – модель и киноартист, долгое время работал моделью для обложек любовных романов.

Она видела свое отражение в потемневшем плазменном экране – искаженный зеркальный образ сидящей на диване Холли. Она вперилась в него взглядом. Образ на экране представлял собой бесформенную массу. Очень много плоти, растекающейся по всему дивану. Неоново-желто-зеленый верх пакета кукурузных колечек отражался настораживающе четко. Сильно сжав ляжки, она услышала хруст дробящихся колечек. Холли откинула голову назад и вздохнула. *Завтра все это изменится*, – сказала она себе. Уже завтра она будет следовать указаниям Логана Монтгомери, самого высокого, смуглого и красивого незнакомца из тех, что ей встречались. Человека, который не только убежден, что ее нужно спасти, но и уверен, что может это сделать. Она глубоко втянула ртом воздух, пытаясь справиться с нарастающей тревогой, вызванной этой мыслью. Что, если он не такой приятный, как показалось в тот день в самолете, и на самом деле как тренер Аттила?⁶ Что, если он лишь пустил пыль в глаза, а на самом деле ничего не знает и в конце концов сломает ей что-нибудь нужное, например позвоночник? Что, если она пукнет, когда будет выполнять упражнение?

Зазвонил телефон, испуг резко вернул Холли в реальность. Она швырнула пакет на стол перед собой и быстро глотнула кока-колы. Дотянувшись до другого конца дивана, она сняла трубку.

– Привет, подружка, – послышался бодрый голос. – Как ты там, справляешься?

Тина Абботт знала Холли дольше всех. Девчонка из ее родного города, вышедшая замуж за свою школьную любовь и ставшая миссис Томми Блейк. У них было трое детей, и они никогда не выезжали за пределы Фэйрвью, штат Орегон, однако дружбе Тины и Холли не мешали ни годы, ни расстояния. Тина была жизнерадостной и энергичной, чего всегда не хватало Холли, и имела сверхактивный метаболизм, под стать характеру. Еще в средней школе они с Холли были неразлучны и заработали прозвища Тростинка и Галька. Тина была Тростинкой – высокая, худая и смуглая. Холли была Галькой – низенькая и круглая. Холли никогда не находила прозвище слишком лестным, но все равно старалась с ним сжиться. Она считала его забавным и не сомневалась, что временами Томми совершенно точно хотел бы кинуть ее «блинчиком» через все озеро. Если спросить Томми, так она слишком часто была «третьей лишней», и он испытал заметное облегчение, когда Холли, поступив в колледж, уехала из города. Не успел закончиться первый университетский семестр, как Тина уже была беременна.

Холли поздоровалась с подругой детства.

– Привет, Тина. Держусь изо всех сил. Как твои делишки?

– Да как всегда. Давно хотела позвонить, да у малышки вот простуда. Кашель ужасный. Ты бы видела, что течет у нее из носа. Прямо какая-то машина соплей. – Тина рассмеялась.

– Звучит аппетитно, – съязвила Холли, стараясь не замечать, что сердце, как обычно, сжалось при слове «малышка». Они с Брюсом поговаривали о детях, но его диагноз появился до того, как они начали над этим работать. А потом все покатило по наклонной плоскости. Самой себе Холли говорила, что не суждено. И так и не могла в конце концов решить, хорошо это или плохо. Она не представляла себя матерью-одиночкой, к тому же пришлось бы растить ребенка, неся в себе то горе, что ей выпало пережить.

Тина продолжала:

– С понедельника она, бедняжка, только и делает, что висит на мне. По-моему, я несколько суток не сплю. Как у тебя все прошло в Торонто?

– Примерно как я и ожидала. Они «обрабатывали» меня, пытаюсь доказать, что у меня нет полномочий, но в результате продали по первоначальной цене. Я просто то и дело говорила «я не понимаю» с жутко рассеянным видом и показывала их исходное письмо. Еще я несколько

⁶ Скорее всего речь идет о Луи Аттиле, также известном как *Людвиг Дурлахер* (1844–1924) – американском силаче, владельце спортзала и личном тренере.

раз сказала: «Может, мне стоит позвонить адвокату?» Думаю, что спустя некоторое время им просто захотелось от меня избавиться.

– Брюс бы тобой гордился, – сказала Тина. – Как ты собираешься распорядиться своим новым благосостоянием?

– Вообще-то оно не такое уж большое, – ответила Холли, не сказав подруге, что деньги для нее ничего не значат. Это казалось неуместным. Тина и Томми еле сводили концы с концами, и денег едва хватало. Тина сидела дома и растила детей, а Томми работал на складе лесоматериалов. Они гордо отказались взять денег у Холли, когда она предложила, и Холли утешалась тем, что посылала им на все праздники дорогие подарочные сертификаты. – Зато в самолете по дороге домой со мной произошло странное приключение.

– Боже мой! – Голос Тины звучал озабоченно. – Что, расписывалась в самолете? Ты хоть транквилизатор приняла, как я велела?

– Нет, не приняла, – ответила Холли, пожалев, что рассказала Тине о выписанном ей после похорон Брюса лекарстве. – И не расписывалась. Зато познакомилась с парнем.

– Да что ты! – Холли представила себе, как Тина садится на стул и подбирает под себя ноги, готовясь все выспросить. – Ну, давай, рассказывай!

– Рассказывать, собственно, почти нечего, – поспешила пояснить Холли. – Правда, он жутко симпатичный. Персональный тренер. И я буду у него тренироваться. Завтра первое занятие.

– Обалдеть! – От восторга Тина завизжала. – Он на дом придет? Как в «Отчаянных домохозяйках»?

Холли вспомнила о лежащей в кошельке визитке.

– Нет. Дал мне карточку с адресом. Наверное, он тренирует в фитнес-центре вроде «Планыты Фитнес» или «Кранч». В том районе они оба есть.

– Нервничаешь? – спросила Тина.

– Еще бы не нервничать! Не думаю, что он намеревается убить меня, но это может получиться случайно. Сам он в прекрасной форме. Никогда ничего подобного живьем не видела. Считала, что парней вроде него обрабатывают с помощью фотошопа.

– Обалдеть, – повторила Тина. – А он знает, что ты полтора года не слезала с дивана?

– Думаю, он все понял, едва взглянув на меня. – Холли в задумчивости перевела взгляд снова на свое отражение в экране и, поскорее прикрыв глаза, покачала головой. Во что она ввязалась? – Планирую явиться по расписанию и сосредоточиться на том, чтобы остаться в живых. Однако собираюсь дать ему твой телефон на случай экстренной ситуации, ладно?

– Конечно.

– Запомни: я не желаю, чтобы жизнь во мне поддерживали аппараты. – Холли поежилась – последние недели Брюса врезались в мозг тягостным воспоминанием.

– Не надо так шутить. Все будет хорошо. Уверена, он знает, что делает, – сказала Тина. – Значит, он симпатичный?

– До омерзения.

– Как Боб Харпер и Долветт из «Потерявшего больше всех»?

– Даже лучше, – решительно сказала Холли. – Неужели ты смотришь это шоу? Что там может привлекать тебя? Весу в тебе килограммов пятьдесят вместе с ботинками.

– Меня оно вдохновляет, – ответила Тина.

– Типично для телевидения. Ты замечала, что, когда дело доходит до ранчо и взвешивания, на них одежды кот наплакал? И вот они, куски дерьма, должны на весь свет заявить, что в шортиках и спортивном бюстгальтере весят почти двести килограммов. Зато в конце, с болтающейся отвисшей кожей, они надевают топики с бретельками и штаны из ткани с таким количеством спандекса, что они уже практически корсеты. Вдохновляет лишь то, что они смогли кое во что одеться. Не говоря уже о том, как они тренируются по восемь часов в день и спу-

стя неделю теряют лишь полтора кило. Ну что за фигня? – кипятилась Холли. Мысль о том, что Тина смотрит передачу, сильно действовала ей на нервы. Она лишь разжигала ошибочные суждения подруги о борьбе с лишним весом, которую Холли вела всю жизнь.

Все еще поглощенная услышанным, Тина продолжала, не обращая внимания на гневные речи.

– Интересно, будет ли этот парень орать на тебя и доводить до слез и нервного срыва, чтобы докопаться до корня всех проблем?

– Знаешь ли, лучше бы помогла нервы успокоить, – сказала Холли. – К тому же не думаю, что этот парень настолько уж озабочен моей ситуацией. Видимо, он меня просто-напросто пожалел.

– Или решил заработать денег. – Тина снова рассмеялась.

– Наверное, и то, и другое, – сказала Холли.

– Ты хоть сходила и купила себе красивые вещи для тренировок?

– Кроссовки я купила, – призналась Холли. – Меня как-то не заботит модный аспект этого мероприятия. И потом, его одурачить – никакого спандекса не хватит. Я решила, что сосредоточусь на важном: дышать и не потерять сознание.

– Холли, я не о том, как одурачить кого-то. А о том, как обеспечить условия для успеха.

– Что это было – реклама «Weight Watchers»? – с подозрением спросила Холли.

– Возможно. И раз уж зашла речь, ты не выясняла насчет тех таблеток, что я тебе говорила? От которых худеешь?

Холли поняла, что еле сдерживается. Она знала, что Тина хочет как лучше. Еще она знала, что Тина обожает волшебные пилюли, при этом она без понятия о предмете разговора. Время от времени, к большому огорчению Холли, Тина набредала на безумный план снижения веса, обычно связанный с таблетками, и ей обязательно надо было им поделиться.

– Да, я выяснила, – нерешительно сказала Холли.

Тина со знанием дела процитировала рекламу.

– «Каждый потерянный вами килограмм помогает потерять еще полкило».

– Ага, – медленно согласилась Холли. – Это написано на упаковке. А знаешь что еще? Начинает из заднего места течь. И это тоже написано на упаковке.

– Ой, – нервно хохотнув, сказала Тина. – Правда, что ли?

– У них это называется «маслянистый стул, который бывает сложно сдерживать» – должна признаться, это звучит более привлекательно. Они рекомендуют носить темное, чтобы никто не заметил, когда это случится. Не говорят вот только, как быть с запахом. – Холли старалась не выдать своего раздражения.

– Я не знала, – удрученно сказала Тина. – Ужас.

– Рада, что ты рассуждаешь как я. – Ответ Холли прозвучал холоднее, чем ей хотелось.

– Я хочу как лучше, – примирительно сказала Тина.

Холли смягчилась:

– Я знаю.

– Наверное, не стоит забывать, что ты мне всегда говоришь. Что если звучит неправдоподобно хорошо, то обычно это неправда, – повеселев, сказала Тина.

– Тебе-то откуда знать? Тебе ни дня не пришлось волноваться о весе. Все равно что я бы советовала тебе, как растить детей.

– Верно сказано. Ты же знаешь, что я люблю тебя и хочу, чтобы ты снова была счастлива.

– И я тебя люблю, – сказала Холли, сознательно умолчав о том, что вряд ли узнает счастье, даже если оно подойдет к ней вплотную. – Только давай я сама займусь своим весом.

– Тебе нужно сделать первый крошечный шаг, – радостно сказала Тина.

– Я только что выписала чек персональному тренеру. Ощущение, что делаю шаг в пропасть. Тебе мало?

Глава 4

Логан не был уверен, что явившаяся на занятия женщина и есть Холли Бреннан, с которой он познакомился в самолете. Та, что перед ним стояла, была моложавая и не такая нервная. На ней были черные спортивные брюки, мешковатая розовая футболка и кроссовки по последнему слову моды. Темно-рыжие волосы – ставшие наконец послушными – были аккуратно собраны в хвост. У нее даже имелась двухлитровая бутылка воды. Вообще-то он не думал, что она слиняет, но сейчас молча удивился, увидев ее здесь, готовую приступить к делу.

– Привет, Холли. – Он взмахнул рукой и подошел к ней, когда она вошла в студию. Шорты цвета хаки выставляли напоказ его рельефные икры, желтая футболка, обтягивавшая широкую грудь, собиралась складками на подтянутой талии – от его вида прямо-таки дух захватывало. – Рад снова тебя увидеть. Тебе придется кое-где поставить подпись. Что-то вроде стандартных контрактных оговорок. К тренировке готова?

– Настолько, насколько можно. – Улыбнувшись, Холли взяла ручку. Она не знала, боится ли до смерти или взвинчена до чертиков, и теперь она уже зашла так далеко, что обратной дороги не было. Эта возможность у нее была да сплыла за те пятнадцать минут, что она, мешкая, провела на улице перед зданием. Из дверей выплыл занимавшийся перед ней клиент – такой огромный, что она поняла: профессиональный баскетболист. Он лукаво улыбнулся и спросил, не заблудилась ли она. Отрицательно покачав головой, она ответила: «Нет, спасибо».

Холли предполагала, что Логан работал в спортивном зале, однако, оказавшись внутри студии, поняла, что дала промашку. Это было его личное помещение, и ей он будет уделять свое полное внимание. Он и вправду был персональным тренером, с акцентом на слове «персональный». В просторном зале находились Логан, Холли и все известное в мире тренировок тренажерное оборудование. Здесь царили порядок, чистота и совершенно не пахло раздевалкой. Фоном играла радостная поп-музыка. Холли начала склоняться в сторону страха. Ее воплей здесь никто не услышит. Успокаивало одно: даже такому силачу, как он, придется трудно, когда он решит избавиться от тела.

Не успела она опомниться, как он решил ее взвесить. Улыбка Холли тут же померкла, а желание закричать было уже на грани всепоглощающего, когда он подвел ее к старинным медицинским весам с набором гирек – среди здешнего оборудования это был единственный предмет, который не казался родом из космической эры. *Наверное, он ими пользуется, чтобы заставить людей побыть лицом к лицу со своей убогостью так долго, насколько это в человеческих силах. Эти отправные моменты вынимают из вас душу и камня на камне не оставляют, и вы уже так ослабли от унижения и распада, что ему, киллеру, остается лишь подкрасться и прикончить вас.*

– Разве вам не сказали, что эти штуки теперь бывают цифровые? – пробурчала она себе под нос, размышляя, что взвеситься на цифровых весах – как пластырь сорвать. Пару секунд – и р-р-раз! Ужасающая цифра бьет тебя наотмашь, как ледяная скумбрия. Холли нагнулась и принялась расшнуровывать кроссовки. *Важен каждый грамм.*

– Медицинские весы намного точнее, и выверять их легче, – спокойно пояснил Логан. – Не говоря уже о том, что цифры на них я читаю без лупы. Можешь кроссовки не снимать – погоды это не сделает. – *Печалька.*

– А может, цифровые потому читать тяжелее, что цифры на них – не твоего ума дело, – распрямляясь, проворчала Холли. Ей все же пришлось встать на весы, при этом она не переставая качала головой, выражая недовольство – преимущественно собой.

– Эта процедура мало кому нравится, – заметил Логан, пытаясь успокоить ее, а сам подталкивал стрелку вправо все дальше и дальше. – Однако нам необходима точка отсчета. Всего

лишь цифра, детка, всего лишь цифра. Но если тебе так легче, взглядишь в нее хорошенько – ведь видишь ты ее в последний раз.

Холли была килограммов на тридцать пять тяжелее, чем было приемлемо, даже на ее взгляд.

– Доволен? – Ей не удалось скрыть сарказма в голосе. На весы она не вставала годами и теперь вспомнила почему. А чего она ждала? Что могла каким-то образом обвести вокруг пальца его и себя, заставив поверить, что она не толстая? Что весы покажут пятьдесят восемь килограммов, и они с Логаном разойдутся по домам? Она издала нервный смешок, который эхом отозвался в пустом зале. Пятьдесят восемь килограммов? Возможно, если месяцев через шесть после смерти откопать и взвесить ее косточки. Последний раз пятьдесят восемь кило она весила в средней школе. – Как видно, работа тебе подходит. Кажется, в тех бумагах, которые ты заставил меня подписать, я видела условие «сумма возврату не подлежит». И это тебе тоже, знаешь ли, на руку.

Он продолжал, как бы не обращая внимания на ее сарказм, и это раздражало еще больше. Он внес вес в ее досье. Она отказалась подчиниться внутреннему голосу, призывавшему ее схватить ручку и всадить в него.

– Есть ли у тебя какие-либо физические недомогания, о которых мне следует знать? – Он поднял голову от папки, которую держал в руках.

– Ну да. Я очень толстая.

– Куришь?

– Только когда я в ударе.

– Пьешь?

– Когда хочу пить. – Для наглядности Холли взяла бутылку с водой и проиллюстрировала свой ответ, при этом немного воды пролилось мимо рта и теперь по подбородку стекало на футболку.

– Наркотики?

– Противозачаточные таблетки считаются? – Холли почувствовала, что краснеет, но он, к счастью, старательно записывал данные и ничего не заметил. Вдова и противозачаточные таблетки – похоже на объявление, что она открыта для предложений. – Ну, чтобы цикл регулировать. А вопрос-то был риторический. Что, собираешься накачать меня стероидами?

– Возможно, если скажешь, что собираешься стать «Ultimate Fighter»⁷, только давай шаг за шагом, ладно? – Он отложил папку и подмигнул ей, решив, что настало время попробовать другой подход. Холли нашла подмигивание милым, но все еще чувствовала себя в высшей степени неловко из-за серии вопросов сугубо личного характера.

– Только не вкалывай мне такого, от чего моя шея пойдет пятнами, как вот, к примеру, у тебя, – язвительно заметила Холли, стремясь, пусть хоть на мгновение, отвести внимание от себя, но за его счет. Она прекрасно знала, от чего остался след у него на шее, хотя и не помнила, что видела такое с тех пор, когда Томми только начал встречаться с Тинной.

Логан тут же вскинул руку, как и предыдущие сто раз в течение всей недели, прикрывая неотчетливые следы последней встречи с Натали. Холли все видела. Черт возьми, за последние три дня это видели все, вот только дерзости что-то сказать хватило ей одной. Хорошо еще, что на нем футболка. Он содрогнулся, представив ее реакцию при виде его спины, которая до сих пор была будто из фильма про Фредди Крюгера.

– Дельное замечание, – небрежно ответил он. – Только обычно клиенты стараются до конца тренировки не настраивать меня против себя. – Он улыбнулся, увидев, как расширились ее глаза и как быстро она закрыла рот. Один – ноль в пользу Парня с Засосом.

⁷ Спортивное реалити-шоу американского производства, специализированное на смешанных боевых искусствах.

Они стартовали не торопясь, начав с ходьбы на двух рядом стоящих беговых дорожках. Между делом они вели непринужденный разговор, и Логан следил за ее состоянием, дыханием, делая выводы о том, до какой степени она была не в форме. Про себя он улыбнулся. Она была гибкой, смысленной; с ней будет все в порядке. Он прекратил ходьбу и сосредоточился исключительно на ней. Он постепенно увеличил интенсивность и уклон дорожки – у нее на шее появились капли пота, дыхание стало сбивчивым. Он постепенно замедлил скорость, она попила и отдохнула. Тогда он перешел к поднятию тяжестей на тренажерах со шкивами, которые Холли показались легкими и безобидными. Они покидали набивной мяч, а когда закончили, почти час спустя, пот уже проступал сквозь футболку и чуть ли не капал с волос. Он протянул ей полотенце и свежую бутылку холодной воды, которую достал из стоящего здесь же холодильника.

– Хорошо поработала, детка. Ну как, отпугнул я тебя?

Она сделала огромный глоток и глубоко вздохнула.

– А что, у меня вид испуганный? Да я мечтаю позаниматься вон на тех штуках. – Она указала на стоящие в ряд вдоль зеркальной стены разнокалиберные гантели для сгибания рук с отягощением.

– Да ты уже взмокла, – ответил он, радуясь отличной тренировке с клиенткой и тому, что она, видимо, не из тех, кто задумывается о том, как выглядит. Это только отбирало бы у нее возможность сосредоточиться и ощутить прилив физических сил. Разумеется, на нем самом не проступило и капельки пота. – У нас осталось десять минут. Думал устроить тебе заминку. Но если хочешь, можем уделить это время «мертвой тяге» и «сокрушителям черепов».

– Черт, почему только «мертвая тяга» и «сокрушители черепов»? Раз уж на то пошло, давай добавим «потрошителей жил» и «схлопывателей легких», – ухмыльнувшись, предложила она. – Что за страшилки?

Эта Холли Бреннан – заправская острячка. Вот будет потеха, – подумал Логан и удовлетворенно улыбнулся.

– То ли еще будет.

Холли подняла бутылку с водой, как для тоста, исподволь меряя его взглядом.

– За надежду.

– Пошли со мной. – Логан шагнул в сторону от тренажеров и поманил ее рукой. Он направился к небольшой нише в углу спортзала, где вместо черного рифленого покрытия из резины, способного амортизировать удар, лежали толстые и легкие маты синего цвета. Когда она подошла туда, он забрал у нее полотенце и указал на маты.

– Ложись на спину.

– Прости, не поняла?

– Сделаем растяжку, – пояснил он.

– А я чуть было не подумала, что наши отношения выходят на новый уровень. – Холли неловко рассмеялась. Она не знала, о чем именно шла речь, но было похоже, что происходило все в пещере ужасов и в деле была замешана дыба.

– Я жду. – Он по-деловому упер руки в бока.

– Я потная и вонючая, – смущенно возразила она. Ничего ей не хотелось избежать так сильно, как того, чтобы он к ней прикасался.

– Знаю. Сам тебя до этого довел. И до сих пор жду.

– Может, и так сойдет. Не надо мне растяжку. И так нормально.

– Кто здесь специалист? Сейчас нормально. Завтра, когда мышцы загудят, будет по-другому. Ложись давай, – коротко добавил он и протянул руку за ее бутылкой.

– Не надо меня тиранить. Тебе добра хотела, – подчиняясь, пробурчала она.

– Благодарю за заботу, – четко расслышав ее замечание, ответил он.

Когда она устроилась на матах, он развел ей ноги и, оседлав одну из них, крепко взялся за вторую. Положив одну руку на подошву ее кроссовки возле пятки, а другую – на икроножную мышцу, он принялся медленно поднимать ногу. Когда нога оказалась перпендикулярна полу, рука, прежде лежавшая на пятке, спустилась на икру. Рука, державшая икру, теперь переместилась на заднюю поверхность бедра. И тут он усилил нажим.

Холли решила казаться безучастной. Но он нависал над ней и, казалось, окружал ее со всех сторон.

– Постарайся расслабиться. Если не сопротивляться, ощущение более приятное, – почувствовав, как она напряглась, предложил Логан.

Расслабиться? – думала Холли. – *Что она, сумасшедшая?* К ней почти два года не прикасались. Теперь же на нее, приняв за гору Олимп, забирался сам Зевс. Ногами он крепко сжимал ее бедро, чтобы лежащая на мате нога не двигалась. Рука его была в сантиметрах от задницы. А задница – в сантиметрах от «переднего края». Ей по-прежнему было жарко, но теперь уже совершенно по-другому. На лбу выступила свежая порция пота. Он нежно продвигал ногу дальше.

– Дыши ровно, – велел он.

Она и не заметила, что задержала дыхание. Лежавшей на бедре рукой он надавил еще чуть-чуть. Ей было не очень приятно, но это было ничто в сравнении с отчетливым ощущением наэлектризованности его растопыренных пальцев.

– Дыши, девочка, – улыбаясь, приказал он. – Как при взлете.

Взглянув на идеальные ямочки, появившиеся на щеках от улыбки, она разом выдохнула весь накопившийся воздух. Он надавил еще немного и замер так на пару секунд. Как, черт возьми, он запомнил? Ведь это были его самые первые обращенные к ней слова.

– У меня отличная память, – прочитал он ее мысли и поднялся. Он согнул ее ногу и, переместив руку на подошву кроссовки, придвинул колено к груди. – А ты чертовски гибкая, – заметил он, толкая колено еще выше.

– Тебя это, похоже, удивило. – Она старалась говорить непринужденно. Но при виде обнаженных бицепсов, напрягшихся при давлении, этого достичь было практически невозможно.

– Скорее приятно поразило, – ответил он. – Ты в порядке? Скажи, если больно.

– Конечно. Я нормально. – Она соврала. Больно не было, однако было далеко не нормально.

– Лицо у тебя красное, – добавил он. – Дыши, дыши.

Он взял ее согнутое колено и, опустившись рядом на четвереньки, перекинул его через другую ногу. Он положил руку ей на плечо. Нажимая с равной силой, Логан удерживал на месте плечо и давил на ногу, пытаясь прижать ее к мату, таким образом давая растяжку всей боковой поверхности тела. Холли казалось, что она вот-вот растворится – такое чудесное это было ощущение. Она едва поборола желание как-то выразить свой бурный восторг. Он был над ней, очень близко и умело сверху держал ее. От его кожи пахло чистотой с отголосками дорогого одеколona. Он посмотрел на нее сверху вниз, ямочки появились снова.

– Эта часть всегда пользуется успехом у публики, – сказал Логан.

Когда с этим было покончено и он положил ее ногу обратно на мат, она одновременно опечалилась и обрадовалась.

Слава богу, – думала Холли, – не знаю, сколько еще я могла терпеть. Она поздравила себя с тем, что сумела сохранить самообладание.

И тогда он оседлал ногу, с которой только что покончил, взялся за другую, и изысканные мучения возобновились.

Ей удалось выдержать повторную процедуру, не думая ни о чем, кроме дыхания, и не давая себе смотреть на Логана. Но это было почти безнадежно. Он вторгался всеми своими чувствами в каждое из ее чувств. Мягко подбадривал, говорил слова поддержки, при этом его

руки совершали набег на все ее нервные окончания. Она не сомневалась, что если все-таки посмотрит ему в лицо и он ей улыбнется, то она растает. Она понимала, что хуже просто быть не может. Пока он не поднял ее в положение сидя, опустился рядом на колени и принялся массировать плечи. Сильные, могучие руки были на удивление нежны. Он отодвинул волосы в сторону, чтобы улучшить доступ к шее. Его совершенно не заботило, что она вся взмокла. Теплые руки разминали чувственно, большие пальцы давили и терли в районе заплечья. Ей хотелось кричать и стонать. Она чувствовала себя ослабевшей, как после секса. Наконец он встал, обошел вокруг нее и, упершись ногами в пол, протянул ей руки. Она не задумываясь схватилась за них и твердо поставила ноги на землю. Он выдохнул и легко помог ей подняться, пока она не встала рядом.

– Превосходно позанимались. – Он смотрел на нее сверху вниз и лучезарно улыбался.

С языка снял, – подумала она.

Глава 5

Они встречались три раза в неделю. Холли всегда являлась вовремя, готовая к тренировке, в спортивных брюках, мешковатой застиранной футболке и со своими «подколками». Она входила в зал со спокойной, но непоколебимой решимостью, которая была под стать отношению любого из его особенно конкурентоспособных клиентов. У нее были чувство юмора и склонность к самоиронии, которые пришлись Логану по душе, как только он понял, что это не от злости на саму себя. Ему нравилось, что не надо полтренировки тешить ее самолюбие. Временами он задумывался, вообще было ли оно у нее. И не потому, что она из кожи вон лезла, чтобы только мельком не увидеть себя ни в одном из зеркал, из которых состояла целая стена зала, – это его не удивляло. Скорее из-за того, что, когда приходило время работать, она уходила в упражнение с головой, полностью сосредоточившись, пока не завершала подход. Потом, отдыхая, она периодически выдавала ударные реплики. Ее не заботили складки жира на талии, которые оголялись, если задиралась футболка, когда она поднимала над головой штангу или наклонялась вперед. Она не обращала внимания на натянутые и врезавшиеся в ягодицы трусы, когда она выполняла выпад. Она безропотно принимала любое неудобное и иногда неуклюжее положение, какое он заставлял ее принимать. А еще она потела еще больше, чем в самый первый день. Так сильно, что теперь приносила свои полотенца, хотя он настаивал, что у него их предостаточно и можно удовлетворить любые ее запросы. Он был ошеломлен, когда узнал, зачем она это делает. Она приносила пляжные полотенца и стелила их на силовые и всякие другие тренажеры с сиденьями. Она где-то прочитала, что это считалось вежливым поведением и помогало не «нагадить».

– Здесь другой спортзал, – рассмеявшись, сказал он. Но не обиделся. Знал, что его залы были роскошными, безукоризненно чистыми и ультрасовременными.

– Я знаю, – опустив глаза и делая вид, что разглядывает свои ногти, быстро сказала Холли и, смутившись, покраснела. – Но от меня... от меня остаются... влажные следы.

– Влажные следы? – Он снова рассмеялся, сумев оценить наглядность выражения.

– Ну мать честная. – Вскинув голову, она посмотрела на него и продолжила, все еще смущенная, но и рассерженная: – Ну да, я между ног потею. И пачкаю все и вся, чего касается моя задница!

Тогда он понял, что эта проблема, несомненно, действительно тревожила ее, и подавил смех.

– Холли, перед приходом следующего клиента я протираю все использованные тренажеры. Это часть работы. Не с тобой одной такое случается, хотя ты, пожалуй, первая дала явлению такое образное название. Я так понимаю, это объясняет и почему ты перед приходом сюда обливаешься одеколоном «СК One».

– Нет, – возразила она, стараясь продолжать сердиться, но была не в силах скрыть улыбку. – Это потому, что не хочу вонять, как грязная кроссовка. Что, слишком?

– Пахнет хорошо. – Он улыбнулся в ответ своей щегольской улыбкой и дружески потрепал ее по плечу. Взяв ее полотенце, он расстелил его на рядом стоящей скамье для пресса. – И приятное разнообразие после привычных болотных задниц.

– О боже, *болотные задницы*. – Холли хмыкнула и поверх полотенца улеглась на скамью, пока Логан доставал штангу. – Держу пари, мы могли бы составить полный «словарь мерзопакостных фитнес-терминов».

Он передал ей восемнадцатикилограммовую штангу.

– Я только за, но сейчас единственный важный для тебя термин – это «накостылять по заднице». Давай, сделай-ка мне пятнадцать жимов. Начали.

Он, чтобы обеспечить ее потребности, начал заказывать пляжные полотенца. Она продолжала для него потеть, причем ведрами.

Холли мало говорила о своем прошлом, настоящем и будущем, а Логан и не спрашивал, приписывая это неловкости из-за разницы в стиле жизни. Уважая ее за это, Логан при этом был немного сбит с толку. В том, что клиенты разбивались в лепешку, рассказывая ему о личной жизни, не было ничего необычного, и временами он ощущал себя скорее психотерапевтом, чем персональным тренером. Из него делали поверенного и раскрывали любые тайны, начиная с жен и любовниц и кончая детьми и родителями, коллегами и друзьями по команде. Он поддерживал в людях желание тренироваться, невзирая на разводы, пагубные привычки и скандалы. Он мастерски овладел умением превращать энергию эмоциональных речей в успешные тренировки. Однако с Холли все было исключительно по делу плюс безобидные остроты. Здесь и сейчас. Время трудиться, а не играть в «Это ваша жизнь». Она платила ему деньги, которые, скорее всего, тяжело ей давались; они оба просто не могли не выжимать из каждого занятия все возможное.

Но время шло, любопытство Логана все возрастало, и он уже еле сдерживался, чтобы не начать задавать вопросы. Ее покойного мужа звали Брюс. Это была единственная информация, к которой он был допущен. Да и то получил ее при мимолетном упоминании. Она рассказывала, как они ходили в походы. Речь о них зашла, когда Логан отметил, что у Холли незаурядная сердечно-сосудистая выносливость, и не из-за того, что ей захотелось поболтать.

Вместо того чтобы поддаться любопытству, Логан упорно работал с Холли, иногда упорнее, чем с другими клиентами. Обучалась она быстро. Если не получалось, она не жаловалась. Наоборот, казалось, что из невозможности тяжелых задач произрастали ее успехи. Он слышал, как у нее иногда вырывался неподдельный стон перед тем, как она не доводила до конца поставленную задачу, и почти всегда – после. Она понимала, что его миссия в том, чтобы постоянно поднимать планку, создавая условия для неудач. Она знала, что, если когда-нибудь ей действительно станет легко, это будет значить, что он не выполняет свою работу.

Когда он ее взвешивал – один раз в неделю, – Холли все время мысленно изобретала способы, как его изувечить, но держала их при себе. Ее любимые фантазии обычно заканчивались тем, что Логана скидывали с лестницы к входу в здание. С той самой лестницы, по которой она к нему взбиралась.

– Давай-ка обсудим, чем ты питаешься, – однажды, спустя примерно месяц с начала тренировок, совершенно неожиданно предложил он. Холли разминалась на эллиптическом тренажере.

– Лучше не надо, – тут же ответила она. *Боже, сегодня даже не день взвешивания,* – безмолвно жаловалась она. – *Откуда у него такое желание без нужды сверзиться и получить разрыв внутренних органов?* – Лучше я поделаю выпады.

Не было на свете ничего, что Холли ненавидела сильнее, чем выпады ногами. Таскать за собой собственную тушу было мучительно, особенно находясь в зале, заставленном симпатичными тренажерами. На каждой тренировке он заставлял ее делать их сотнями.

– Без вариантов, детка, а вот выпады – добро пожаловать, – как по писаному парировал он. Он знал, что она избегала этого разговора. Но время его пришло, независимо от ее желания.

– Я люблю есть. И точка. – Нахмурившись, она сошла с тренажера на кардионагрузку и размышляла, как бы им обоим оказаться поближе к лестнице. Или лучше ему башку гирей расколоть. Килограмма на четыре с половиной было бы самое то, если хорошенько размахнуться.

Он улыбнулся и скрестил руки на груди.

– Ты действительно считаешь, что набрала свой вес потому, что любишь есть? Мало кто есть не любит. Говорят, это необходимо для выживания. Ты щитовидку проверяла?

– Да, – надулась она. – Сразу после смерти Брюса пошла к врачу и сделала полный медосмотр. К сожалению, внутри у меня все хорошо. Ах да, врач сказал, что я слишком толстая.

– Нельзя отрицать, что телосложение человека во многом определяет генетика. Люди бывают предрасположены к «кубикам», как, скажем, к голубому цвету глаз. Но если у человека избыток жира, обычно это означает, что происходят какие-то более глубокие процессы. В широком смысле, среди людей с ожирением есть два типа нарушения пищевого поведения. – Он продолжал в своей возмутительной беспристрастной манере не обращать внимания на ее нежелание копаться именно в том, о чем она не хотела говорить. Пока он говорил, он ходил по залу и подбирал гантели для предстоящей тренировки. – Первый – неконтролируемое переедание. Простым языком – зависимость от еды. Когда за едой и поглощением пищи прячутся от чувств. Ею заполняют пустоты, с ее помощью переживают стресс и проблемы повседневной жизни. Страдающие неконтролируемым перееданием чаще всего вполне осознают, что их пищевые привычки ненормальны, но помощь им почти не оказывают, если не считать советов воспитать в себе силу воли или сесть на диету. И это так же пагубно влияет на их самооценку, как совет просто поесть страдающему анорексией.

– Надо же, кто бы мог подумать? – Холли расхохоталась. – Я чем-то похожа на человека с анорексией.

– Вроде того, – согласился Логан, – за исключением сложившегося о людях с лишним весом стереотипа о том, что они потеряли контроль. А это уже передергивание. Речь-то как раз о контроле. Многие из них целенаправленно используют свое тело как предполагаемую преграду против тех самых людей, которые, по их ощущениям, их осуждают. Они хотят всем нравиться, но используют пищу, чтобы справиться с чувством, что недостаточно хороши, а это лишь усугубляет проблему, и чаще всего становится еще хуже. Такой порочный круг, когда еду поглощают, чтобы забыть боль желания быть принятым.

– Мне все равно, нравлюсь я людям или нет, – заметила она.

– Да ладно тебе, – ответил Логан. Он твердо решил в этом разговоре не дать ей отшутиться, как бы отчаянно ей этого ни хотелось. – Не верю, что тебе все равно, нравишься ты людям или нет. Все хотят нравиться, ну хоть сколько-нибудь. И несмотря на все твои усилия показаться ворчливой, на самом деле ты к себе располагаешь. Вот почему еще важно не забывать, что большинство пищевых расстройств связаны с проявлением чувств.

– Ну хорошо, какова другая нить рассуждений о том, что у меня за хворь? – постаравшись свести к минимуму сарказм, спросила Холли, которой польстило, что он считает ее располагающей к себе.

Логан продолжал – ее желание слушать, а не заткнуть ему рот, придало ему уверенности.

– Другой источник бед – неумеренная потребность в еде. У людей с этой проблемой обычно присутствует сочетание симптомов, схожих с симптомами неконтролируемого переедания, только с добавлением булимии.

– Нет у меня никакой булимии. – Она фыркнула.

– Само собой, – согласился он.

– Были мыслишки этим заняться, – добавила она, снова фыркнув.

– Лучше не надо, – серьезно попросил он.

Она быстро извинилась:

– Прости. Понимаю, что ты из лучших побуждений.

– Молодец. – Он улыбнулся ей и продолжил: – Что отличает людей с неумеренной потребностью в еде от людей с неконтролируемым перееданием, так это то, что они поглощают большое количество пищи за короткий промежуток времени, обычно не больше двух часов. Они едят неудержимо, даже после появления неприятной тяжести в желудке. Иногда они едят даже то, что им не очень нравится, лишь бы есть. Но, в отличие от людей с булимией, после таких эпизодов они не извергают из желудка его содержимое. Им тоже чрезвычайно тяжело дается потеря веса и поддержание его на здоровом уровне.

– Похоже, ты зашел на мою территорию, – сказала она, но Логан затруднялся определить, в шутку или нет. Учитывая, что, потеряв мужа, она, видимо, с трудом выживала, он не мог не представлять ее сидящей в доме, напичканном дешевыми продуктами, прошедшими технологическую обработку, с высоким содержанием жира, сахара и калорий, но лишенными какой-либо питательной ценности.

– Вообще-то мой милый маленький кузнечик с непростым характером, я думаю, что ты, видимо, сочетаешь в себе оба типа.

– Все сходится, – язвительно сказала она.

– А я не обещал тебе легкой жизни, – честно признал Логан.

– Так каково же решение, Эйнштейн? – Она настаивала на ответе – ей не терпелось поскорее завершить разговор и приступить к поднятию тяжестей.

Логан не мог не заметить перемены в ее поведении. Он подступил слишком близко, и она приготовилась вернуть на место свою стену. Он решил, что лучше пока завершить урок, но сначала охватить самую важную часть темы.

– Послушай, пока рано говорить о том, какое у тебя окажется телосложение, когда мы закончим занятия. Если то, что ты сказала мне, когда мы познакомились, правда, скорее всего, ты не окажешься обладательницей фигуры как у Дженнифер Энистон, сколько бы времени ты ни провела в спортзале, работая над ней. И с этим надо смириться. Речь идет о том, чтобы вернуть себе здоровье. Но вот что я обязан тебе сказать – ты твердо это запомни: фитнес определяют пять специфических факторов; ты в полной мере обладаешь четырьмя из них.

– Правда? – Она перестала суетиться и опять обратила на него все свое внимание.

– Чистая правда, – с воодушевлением подтвердил он. – В критерии входит функциональное состояние сердечно-сосудистой системы, мышечная сила, мышечная выносливость, гибкость и конституция тела – это медицинский термин для обозначения процента жировой массы тела.

Она хмыкнула, перебив его:

– Вижу, ты оставил лакомый кусочек на закуску. Попытаюсь-ка я угадать, в какой критерии я недобираю.

– Минутку. – Логан поскорее прервал ее и строго погрозил пальцем: – Шуточек на эту тему я не стерплю. Разве ты не понимаешь, какой подарок отхватила? С первого дня, как ты здесь появилась, меня поражала не только твоя сердечно-сосудистая выносливость, но и сильная мускулатура и гибкость. Все это не достигается одним подходом к занятиям. Спортсмены месяцами вкалывают, добиваясь того, что тебе с самого начала дано природой.

– Кажется, сейчас будет лекция, – пробормотала она и начала грызть ноготь.

Он сменил гнев на милость:

– Если тебе нужна лекция, за мной, разумеется, дело не станет. Но хотелось бы обойтись без лекций. Просто ты должны знать, сколько у тебя преимуществ. На случай, если будет сложно. А оно будет, даже не сомневайся.

– Сложнее, чем жить с пищевым расстройством и подвергать себя твоим издевательствам? Ты не веришь, что я смогу через это пройти, да? – Она упала духом, впервые после того, как он заставил ее встать на весы.

– Холли, – чуть смягчившись, но по-прежнему твердо сказал он. – С первого дня ты здесь выкладываешься на все сто процентов, и твой организм реагирует. Но постепенно он подстроится к новым порядкам. Пища же будет бросать тебе вызов, видимо, всю жизнь. Я хочу убедиться, что ты критически оценила весь свой арсенал на тот случай, когда почувствуешь себя слабой и потеряешь контроль. Чтобы ты смогла пережить это состояние и внести изменения, которые укоренятся и выдержат испытание временем. Не случайно девяносто пять процентов сбросивших вес людей набирают его снова. Они впадают в уныние, а старые привычки – они такие удобные и знакомые. Не хотелось бы, чтобы это произошло и с тобой. Преодолеть пище-

вую зависимость – не то же самое, что завязать с курением, наркотиками или алкоголем. От тех зависимостей ты отказываешься полностью, и после того, как заканчивается «ломка», ты посредством воздержания побеждаешь в этой войне. Твоя же война намного коварнее. Человеку необходимо питаться. И придется добиться того, чтобы уметь сосуществовать с пищей и не использовать ее в качестве костыля для опоры.

– Наверное, сейчас не самое подходящее время, чтобы сообщить тебе, что я закурила? – Холли попыталась внести в ситуацию немного легкомыслия. Попытка не удалась, его глаза блеснули неподдельным гневом.

– Если бы я хоть чуть-чуть поверил, что ты серьезно, то решил бы тебя задушить.

– Боже. Остынь. Тут с одной зависимостью хлопот не оберешься – нет уж, спасибо. Просто стараюсь избежать дальнейшей встряски.

Он решил встряску не продолжать и не заставлять ее говорить о том, в чем она не была готова признаться. Он наблюдал, как она молча продолжала грызть ногти, переваривая информацию. Она его услышала, и пока этого было достаточно. Ей нужно было вернуть нужный настрой, а потом уже переходить непосредственно к тренировке.

– В одном я уверен: и в неконтролируемом переедании, и в неумеренной потребности в еде есть общий момент – процесс, при котором пища заменяет чувство. Депрессия в том списке стоит не на последнем месте, при этом за предыдущие пару лет именно депрессия вышла на передний край твоей жизни, как бы ты ни старалась ее замалчивать. Ты не думала обратиться к врачу? К психотерапевту, например?

– О да. – Холли даже не пыталась скрыть чувство пренебрежения. – Давайте я пойду трепать языком о своих проблемах и спрашивать совета у человека, который, по всей видимости, более сумасшедший, чем я. Нет уж, спасибо.

– Не стоит спешить с заключением, что есть люди более сумасшедшие, чем ты, – поддразнил он. – Но для определенности, как насчет просто позвонить своему врачу? Ведь стоящий врач не может не распознать депрессию у овдовевшего человека.

– Это еще зачем? – в сердцах спросила она. – Чтобы они принялись пичкать меня коктейлем из препаратов, мешая мне вообще что-либо чувствовать? Или даже прописали мне какое-нибудь классное новое средство, которое не удосужились до конца испытать, и я такая через шесть месяцев проснулась, а у меня хвост вырос?

– Окей. Я понял. – Он хотел поскорее снизить градус ее раздражения, отнеся его на счет того, что бежать к врачу при отсутствии внешних признаков боли она не могла себе позволить по деньгам. Особенно учитывая, что некоторую часть наличности она платила ему. К тому же она была права. – Под «понял» я подразумевал, что не только полностью понимаю, но и во многом с тобой согласен. Я всегда за то, чтобы, прежде чем бежать в аптеку, попробовать комплексные меры, особенно в таких случаях, как твой. И с применением других тактик тебе везет. Эндорфины, химические вещества, вырабатываемые в организме естественным путем, борются с депрессией. Вырабатываются они с выходом физической энергии, а у тебя, безусловно, этих процессов сейчас происходит предостаточно.

– Ты так считаешь? – спросила она с вернувшимся сполна сарказмом. Ей было не по себе от сознания того, что он, очевидно, провел достаточно времени, думая о ней, или как минимум о положении, в котором она оказалась. Положение подразумевало, что она была неконтролируемой, бесконечно жующей, ненасытной чудачкой.

– Холли, я хочу попросить тебя об одолжении. Я бы хотел, чтобы ты начала записывать, что ты ешь. Каждый кусочек чего бы то ни было, который ты кладешь в рот. Это не проверка, и я даже не прошу тебя показывать мне эти записи, если ты сама этого не хочешь. Я прошу тебя сделать это сугубо для себя. И если ты переживаешь или пала духом, я хочу, чтобы ты записала, что ты чувствуешь во время еды. Сможешь?

– И ты никогда не попросишь меня это показать? – беря с полки полотенце, скептически спросила она.

– Не-а. – Взяв у нее полотенце, он расстелил его на силовом тренажере и молча дал команду принять нужное положение для подхода. – Просто записывая, ты будешь чувствовать, что обрела больший контроль, и заметишь, когда у тебя пиковое время заедания стресса. Зная это, ты сможешь вносить изменения. Ты увидишь, когда ты потребляешь или не потребляешь достаточно фруктов и овощей, когда ешь слишком много барахла и когда не пьешь достаточно воды. У тебя начнет вырисовываться более четкая картина привычек, которые ты, возможно, захочешь поменять. И когда ты заметишь приближающиеся признаки депрессии, ты сможешь попытаться преодолеть их каким-то другим действием, пусть даже таким простым, как прогулка. Черт возьми, ты могла бы, когда захочешь, приходить сюда и заниматься кардионагрузкой, даже если у меня другой клиент. Просто позвони и предупреди меня. Помни простые правила. На каждую входящую калорию сверх минимума, который необходим организму, чтобы функционировать, ты должна сжечь калорию путем физических упражнений. Чем интенсивнее тренировка, тем больше калорий ты будешь продолжать сжигать уже после того, как закончишь заниматься. А что касается дневника питания, я всегда буду рад взглянуть на него, если ты захочешь что-то скорректировать, но обещаю никогда об этом не просить.

С той тренировки Холли ушла на взлете новой мотивации. Разговор во многом был не о том, что с ней не так, а о том, что с ней так. Логан ее не осуждал, лишь излагал объективные факты. При этом к разговору он подготовился. Предложил варианты действий в пределах ее власти. В его предложениях не было хитроумных трюков, лишь настойчивый упорный труд. По правде говоря, она не понимала, как может помочь привычка записывать все приемы пищи, но в ней не было ничего сложного. К тому же ее напористой натуре не нравилась перспектива сплеховать, если Логан не сдержал бы обещания и попросил разрешения взглянуть на дневник. И она решила попробовать.

Логан сказал, что ей необходим арсенал. Так как она привыкла питаться в основном едой навынос, начала она с фруктового ассорти. Оружие для арсенала она выбрала в виде груш и бананов. Вскоре к ним прибавились яблоки и виноград. Она стала присматриваться к салат-барам так внимательно, будто охотилась за хорошим антиквариатом. Цель, которую она перед собой поставила, была в многообразии. Раз в неделю она пробовала что-то новое, стараясь выбрать пищу, от которой раньше воротила нос, например лососину, тофу или хумус. Некоторые виды пищи ее приятно удивляли, от других по-прежнему мутило.

Очень скоро она поняла, что, если записать, что собираешься съесть, перед тем, как это сделать, выбор оказывается более продуманным. Несколько недель подряд план работал крайне успешно, пока на нее не напала хворь в виде шоколадного батончика «Милки Уэй».

Холли хотела его съесть. С этим не должно было быть никаких сложностей: она постоянно ела эти батончики. Но, купив его, она поняла, что дневник-то дома. Не желая отступить от стратегии «запиши, потом ешь», она кинула шоколадку в сумку, решив съесть ее, когда вернется домой. Всю дорогу ее не покидала мысль о восхитительном шоколадном батончике. Он буквально взывал к ней из глубин сумки. От одной мысли о сливочной карамели и нуге, покрытой вкуснейшим шоколадом, у нее текли слюнки. Войдя в дом, она сразу прошла на кухню. Вытащила батончик, открыла дневник питания, взяла ручку.

И тогда Холли взглянула на остальные записи. Все здоровое питание, зафиксированное на страницах истории ее зарождающегося успеха. Она просто не могла заставить себя записать то, что совершенно определено станет началом ее падения. Строчки расплывались перед глазами. Она с силой захлопнула дневник и отскочила от стола. Сама того не осознавая, она принялась метаться взад-вперед по кухне.

– Дурацкий батончик! – орала Холли на «Милки Уэй».

Шоколадка лежала на столе между вазой с фруктами и дневником, калорическая катастрофа в виде невинного батончика. Она буквально чувствовала на себе недобрый взгляд бананов.

– А я не буду тебя записывать, – громко сообщила она. – Записывать необязательно. Делаю я это, только чтобы Логану показать – вдруг он спросит. И вообще, почему это я должна делать все, как он говорит? Ведь деньги плачу я. – Удовлетворенная собственной логикой, она развернула «Милки Уэй» и откусила внушительный кусок. И еще один.

Первый два укуса не обманули ее ожиданий. Вкуснейший шоколад и неземная сладость сливались у нее во рту в танце. К концу она почувствовала тошноту. Даже чуть не подавилась. Радости от первых двух кусочков как не бывало – ее сменило чувство вины за случившийся сбой.

В тот день она решила не ужинать – это было попыткой компенсировать съеденные в приступе кондитерского помешательства калории. Она рано пошла спать, голодная и деморализованная, и ворочалась с боку на бок. Шли часы, но сон ее не брал. В голове, словно испорченная пластинка, крутились слова Логана. Она знала, что делать. Встав с постели, она устало прошлепала вниз и включила на кухне свет. Она раскрыла дневник на последней записи и взяла ручку. Вдавливая ее с такой силой, что бумага чуть не порвалась, она написала:

«Милки Уэй» – Чувство? – Невменяемое.

Холли потащилась наверх. Оказавшись в своей комнате, она села на кровать и подперла голову руками. *Ну почему все так непросто,* – думала она. – *Почему шоколадный батончик уполномочен испортить мне день?* Она в ужасе ждала, что это закончится, как всегда, в течение всех этих лет потребления предыдущих шоколадных батончиков, бездумным пищевым угаром дня на три. Жаль, ей не с кем поговорить. Слишком уж поздно, чтобы позвонить Тине – правда, Холли не очень-то и хотелось. Она даже не знала, как описать свою проблему словами, кроме как сказав, что шоколадный батончик довел ее до состояния на грани нервного срыва. Тина ни за что не поймет, что сейчас происходит у нее в голове. И какую бы позицию Тина ни заняла, благосклонную или удрученную, для Холли она будет неправильной.

Пришло время «переходного объекта»⁸.

Ну, объект – не объект. Любимая байковая рубашка Брюса зеленого цвета. На Холли она не налезала – многие годы она не могла влезть ни в одну из его рубашек. Но когда механизмы преодоления не срабатывали и еда была не в состоянии закрыть брешь в душе, Холли доставала из шкафа зеленую рубашку и, сложив, подкладывала себе под щеку. Когда он умер, она так и спала с ней, черпая в этом утешение. Рубашка была изношена до мягкости и хранила запах Брюса, надолго впитавшийся в волокна ткани. Это моментально заставляло Холли поверить в то, что Брюс рядом. Она встала и подошла к шкафу, где до сих пор лежали вещи мужа. Сняв рубашку с вешалки, она держала ее в руках. И тогда, сама не зная почему, она просунула руку в рукав. Потом проделала то же другой рукой. На ней не было ничего, кроме тонкой ночной сорочки, и рубашка приняла ее вторжение. Передние полы сошлись, Холли дрожащими от волнения пальцами принялась застегивать пуговицы. И бросилась к зеркалу.

Рубашка, конечно, сидела на ней плотно, но порваться не грозилась. Грудь неумолимо выдавалась вперед, и пуговица в центре сильно оттягивалась. Холли поскорее расстегнула ее. Однако остальные пуговицы все до одной сидели крепко, и хотя рубашка была в обтяжку, по швам она не трещала. Долгое время Холли смотрела на свое отражение, и к глазам ее подступали слезы. Она уже давно не смотрелась в зеркало, не считая тех минут, когда по утрам чистила зубы. Теперь же она вперилась взглядом в свое отражение в рубашке, которая, сколько она себя помнила, была ей мала. Эта рубашка обнимала ее. Она подняла глаза к небесам.

⁸ *Comfort blanket* (comforter) – соска-пустышка, утешитель, предмет, создающий ощущение психологического комфорта.

– Спасибо, Брюс, – прошептала Холли сквозь слезы и улыбку.
Она сняла рубашку, сложила ее и легла. С рубашкой под щекой она заснула.

Глава 6

Логан держал слово и ни разу не спросил у Холли про дневник питания, хотя и был совершенно уверен, что она внесла кое-какие изменения, потому что спустя три месяца тренировок она потеряла восемнадцать килограммов. Здоровая потеря веса, говорившая о переменах в образе жизни, а не о радикальных мерах. Изгибы фигуры пока не были очевидны, но на круглом лице появились высокие скулы, которых раньше он не замечал. Двойной подбородок убывал, а лицо сияло румянцем. Сама она особо не радовалась этой динамике, неизменно называя каждый килограмм каплей в море, и с виду никогда не была ни придирчива к своему прогрессу, ни удручена им. Она сохраняла собранность и целеустремленность, которые были у нее с самого начала. Это была выигрышная комбинация, и Логан не мог не погладить себя по головке. Сомнений не было, его утенок уверенно шел по пути превращения в лебедя.

Воодушевленная поддержкой Логана, Холли делала успехи. Теперь ее повсюду сопровождал его позитивный настрой. В голове, как слова любимых песен, крутились его жизнеутверждающие крылатые фразы. Она так и не рассказала ему о ночи с «Милки Уэй», но для себя решила, что это был поворотный момент. Он ее не сокрушил, превратив в неистовую машину для еды. Проснувшись на следующее утро, она вернулась в прежнее русло.

Помогло и то, что на следующий день у нее была тренировка. Как только она вошла в здание, где был спортзал, шоколадный батончик был позабыт.

Холли стала чаще смотреться в зеркало. Раздевшись до нижнего белья, она позировала перед ним, как на соревнованиях по тяжелой атлетике. Она упивалась тем, как выпирали мышцы, когда она их напрягала. Она могла под кожей нащупать ребра. Стали заметно выделяться ключицы. Полнота еще не ушла с талии, ягодиц и ног, но и эти части стали компактнее. Она сжимала эти места, и они поддавались.

В ней была сила. И она это чувствовала. Она была сильная. Логан утверждал это каждый раз, когда видел ее. В приветливом томном взгляде читалась истинная убежденность. В непридуманной улыбке – неустанный задор. Она не могла в это не поверить. Это было партнерство: у каждого были свои причины, но цель одна. Она хотела, чтобы он гордился ею настолько, насколько она была ему благодарна.

Она менялась и физически, и ментально. Она осмелела и была готова рисковать. Она знала, с чего начать.

На прикроватной тумбочке весело защебетал мобильник, Логан открыл один глаз и посмотрел на часы: двадцать минут второго. Он вслепую потянулся к светящемуся экрану, решив, что если человек на другом конце не был в шаге от смерти, он или она скоро там окажутся. Номер был незнакомый. Пробормотав сонное «алло», Логан ничего не услышал в ответ и был уже готов швырнуть телефон через всю комнату до самой прихожей. Но не успел он отвести его от уха, чтобы нажать отбой, как услышал чье-то легкое дыхание.

– Логан? – говорили едва слышно. Голос приглушенный, дрожащий.

– Слушаю. Кто это? – буркнул он. Кто бы это ни был, Логан был не в настроении.

– Это Холли. – Она смущенно хмыкнула. – Я с домашнего номера. Ты сказал, что могу звонить в любое время.

Он тут же сел, спустил ноги с кровати, потер лицо.

– Холли? Что случилось? Все в порядке?

Долгое время было тихо, потом снова дрожащий голос:

– Вообще-то нет. У меня проблема. Кажется, я собираюсь совершить глупость.

Когда он услышал слово «проблема», остальные слова сложились в какую-то бессмыслицу. Не задав больше никаких вопросов, он удостоверился, что у него в мобильнике есть

адрес Холли, и велел ей ничего не предпринимать. Он натянул баскетбольные шорты и футболку, сел в свой черный внедорожник и внес в навигатор ее адрес. Только когда он проехал через полгорода, до него дошло, что он даже не узнал, что случилось. Если уж она позвонила ему, тем более среди ночи, значит, у нее что-то срочное. Она ранена? Ей грозит опасность? Ее ограбили или на нее напали? С каждым вопросом Логан давил на педаль газа все сильнее. Сломая голову он несся по тихим улицам, и по мере роста показаний спидометра росла его тревога. Механический голос навигатора велел повернуть на ее улицу. Даже в темноте он заметил, как изменился пейзаж. Вдоль улицы росли деревья, ухоженные пригорки венчали огромные дома. Номер ее дома высветился на вывеске у почтового ящика как раз, когда навигатор велел ему свернуть на длинную подъездную дорожку. Подстриженная лужайка тянулась до довольно внушительного усовершенствованного дома в колониальном стиле. Перед круговым проездом стоял белый спортивный «БМВ»-кабриолет. Он снова сверился с адресом. Девушка полна сюрпризов – дальше некуда. Когда он остановил машину рядом с ее автомобилем, она открыла входную дверь и на вид оказалась цела и невредима, одетая в свои обычные спортивные брюки и ветхую футболку, вот только пушистых розовых тапочек он раньше не видел. Она вышла к нему.

– Холли. Что происходит? С тобой все в порядке? – Он быстро вышел из машины и поспешил к ней, точно не зная, что имеет в виду: кризисную ситуацию или внезапно ставший очевидным факт, что она совсем не бедная вдова.

– Со мной все в порядке. И я очень извиняюсь, Логан, что потревожила тебя. Тебе необязательно было приезжать. Мы могли и по телефону разобраться. Заходи, пожалуйста.

Они прошли через просторную прихожую, во всем доме горел свет. Когда они дошли до кухни, она с отвращением выдохнула и оперлась руками о кухонный остров из гранита.

– Происходит вот что.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, она опустила на стул. Логан взглянул на стол и поморщился. Там, рядом с тщательно исписанной тетрадью, служившей ей дневником питания, и вазой с фруктами, как напоказ лежали пирог с кокосовыми сливками «Sara Lee», коробка «Твинки», двухлитровая бутылка кока-колы, пакеты двух видов чипсов «Lay's»: со вкусом сметаны и со вкусом лука, драже «M&M's» и пол-литровое ведерко мороженого «Ben & Jerry's». *Она позвонила среди ночи из-за того, что была на грани запойного обжорства?* Он еще не решил, что бесило его больше: то, что он выступает в роли пищевой полиции, или до боли очевидный факт, что она, пожалуй, могла бы платить за его услуги полную цену. Ей нужна его помощь? Она ее получит.

– Надевай кроссовки, – резко приказал он и, пока она выполняла инструкцию, начал систематически возвращать содержимое кухонного острова в морозильник и разные кухонные шкафы.

Логан вывел Холли на улицу, и они быстро пошли по подъездной дорожке. Оба молчали. Помимо их шагов слышно было только, как сверчки заводили свои характерные для конца лета песни, которые скоро будут последними в этом сезоне. Логан пустился трусцой, выбирая, где только можно, дорожки в горку. Холли должна была прилагать немало усилий, чтобы не отставать. Минут двадцать она пыталась на каждый его длинный шаг выдавать два своих коротких, но потом резко остановилась.

– Хватит, дядя. Твоя взяла. – Она замедлила движение до шага, он последовал ее примеру.

Логан был в ярости, но признаваться в этом не собирался. Он хотел ответов, но не был даже уверен, какие вопросы нужно задать. Он понял, что не в курсе дел. Понял, что его использовали, однако не мог припомнить, чтобы ему врал. Как можно было так сглупить? Она сказала, что живет в Энглвуд-Клиффс, районе, кичившемся своими эксклюзивными многомиллионными дворцами. Он что, думал, что она живет в картонной коробке перед одним из них?

Из-за ее помятого вида и нежелания делиться о себе любой информацией он предположил, что она без гроша в кармане. Он по-детски утешился лишь одним: Холли пыхтела как паровоз, а у него даже не сбилось дыхание.

– Правда, Холли, что происходит? – решительно спросил он. – Кто ты?

– В каком смысле? Мне грозила серьезная опасность – я могла все это дерьмо съесть. – Она попыталась сделать вдох и невольно не содрогнулась. – Думаешь, я шучу? Ведь ты хотел бы, чтобы я позвонила, решив, например, всадить себе пулю в голову?

Ее слова застали Логана врасплох, он больше не думал об окружающей ее тайне и даже остановился. Она говорила совершенно серьезно. Неужели она после четырех месяцев такого упорного труда могла бы съесть все это в один присест?

– Ты и вправду съела бы весь этот мусор? За один раз? – Он даже не пытался скрыть ни своего ужаса, ни злости. Зачем ей с таким рвением вставать на пути своих собственных достижений? Уперев руки в бока, он принялся ее отчитывать: – Что могло заставить тебя пойти на такое, да еще среди ночи?

Даже при свете одной лишь луны он видел, как ее глаза остекленели и, когда она подняла на него взгляд, в них отразились блики.

– Шкафы разбирала. – Она сделала попытку сдобрить свои слова грустной полуулыбкой, но тщетно.

Логан сразу все понял. Сердце бухнуло. Она собирала оставшиеся от мужа вещи.

– Просто подумала, что, видимо, время пришло, – с тоской добавила она. Возможно, ошиблась.

Оставив прежнюю суровость, Логан обратился к своей профессиональной экспертизе.

– Может быть, оно пришло и тебе просто надо принять этот вызов. У тебя разыгрались эндорфины, и тебе сейчас, похоже, хочется скорее тошнить, чем есть. Я могу ненадолго остаться, помочь тебе со шкафами.

Холли улыбнулась, и даже темнота не скрыла ее искренности.

– Я почти закончила. Остались отдельные вещи. То, что я просто не могу выбросить. – Улыбка постепенно угасла.

– Ладно тебе. Давай с этим покончим, – сказал Логан, изо всех сил стараясь подбодрить ее. Они расслабленно шли к дому. Он вслед за ней поднялся по лестнице и прошел по коридору к ее спальне.

Заглянув в соседнюю комнату, он резко остановился.

– Холли! А что с этой комнатой?

Она не была похожа ни на одну из остальных. Почти пустая, какая-то санитарная и даже стерильная. Гладкие белые стены, голый деревянный пол и ничего, кроме больничной койки и кое-какого медицинского оборудования. Здесь были задвинутые в угол и аккуратно обмотанные проводами кислородные баллоны и мониторы. На койке не было ничего, кроме матраса, плоско лежавшего внутри раздвижной рамы с хромированными доходящими до середины перекладинами по бокам. Он вошел в комнату и сразу же ощутил ее священность. На одной стене – той, что была напротив окон без штор, висело единственное украшение этой комнаты. Это было огромное фото гор в раме: на вершинах лежал снег, у подножия было прохладное озеро, в котором они отражались, как в зеркале. Небо на заднем плане было идеально голубым, не считая плывущих вдали пушистых белых облачков. Фотография занимала почти всю стену. Сердце у Логана сжалось. Было ли фото последним, что видел ее муж перед смертью? Он взглянул на стоящую в дверях Холли.

– Очень красивая фотография, – уныло заметил он.

– Правда? – со своего места за порогом откликнулась Холли. Она не входила в эту комнату почти год. После похорон, когда все вернулись к обычной жизни, она проводила здесь целые дни. Сидела на арендованной больничной койке и думала: *Здесь Брюс провел послед-*

ние дни и часы. Конечно, его дух задержался здесь, свободный от оков боли, говорила она себе, даже если ненадолго, только чтобы дать ей нужное направление. Не отвечая на звонки из хосписа, чтобы организовать вывоз, она продолжала платить за аренду всего находившегося в комнате оборудования и ждала знака, указавшего бы ей, что делать дальше. Из дней складывались недели, из недель – месяцы. Указаний так и не было, чувство безысходности росло, и она вышла из комнаты прямо в состояние отчаяния. Но дверь ее не закрывала, на всякий случай. Появление в комнате Логана одновременно поразило и встревожило ее. Позитивная жизненная сила в ее высшем проявлении стояла посреди комнаты смерти.

– Холли, – прерывая ее мысли, мягко обратился к ней Логан, – может быть, тебе лучше сдать эти вещи на хранение?

– Они не мои, – без всяких эмоций ответила она.

– Их тоже завтра приедут забирать?

– Нет.

– А ты бы хотела, чтобы их забрали? – Голос его звучал успокаивающе, в глазах было сострадание.

Холли хватило одного взгляда на Логана, чтобы понять, какого ответа он от нее ждет. Она молча и, не меняя выражения лица, кивнула.

– У тебя есть какие-нибудь инструменты? – спросил он тем же успокаивающим тоном.

– Инструменты? – не поняла она.

– Ну, отвертки, гаечные ключи и тому подобное?

– В гараже, в коробке, – сказала она, стоя в дверях. Логан пересек комнату, взял в каждую руку по монитору и подошел к Холли.

– Пошли за инструментами, – по-деловому сказал он. – Эту койку ни за что отсюда не вынести, если не снять перекладки и ножи. Не хватало еще, чтобы парочка придурков царапали твои деревянные полы и натыкались на стены. Мы сложим все внизу, в одном месте, готовое к вывозу.

Забрав у него один из мониторов, она спустилась вниз, он за ней. Они поставили мониторы в столовой, и она повела его в гараж. Он непринужденно болтал, она не слышала ни слова. Чтобы подтвердить, что она его слушала, ей пришлось бы отвечать. Она не могла отвечать разборчиво, а была на грани словесного бреда. Она решила быть хладнокровной и сосредоточенной и не причинять ему дополнительных беспокойств. Она уже и так постаралась. Его, казалось, не волновала ее отрешенность. Он не выражал неодобрения по поводу того, что она фактически больше года откладывала это жуткое мероприятие. Он взял коробку с инструментами, она взяла пакет с гайками, шайбами и болтами, и они поднялись в дом.

– С этим я справлюсь один, – сказал он, прежде чем вернуться в комнату, – если хочешь, можешь закончить где-нибудь еще.

На ее лице отразилось облегчение. Он это понимал. Он будто бы чувствовал, как она страдает. Она молча кивнула и скрылась в своей комнате – там было безопасно. Ее ждала пустая коробка, и она принялась автоматически складывать туда личные вещи Брюса. Начала она с ванной, с его туалетных принадлежностей, среди которых были электрическая бритва, дезодорант, одеколон, которым по ее настоянию он иногда пользовался. Она собрала пузырьки с лекарствами, многие еще полные, мысленно отметив, что их нужно будет утилизировать, как положено. Холли вытащила его зубную щетку из стакана, где она лежала вместе с ее собственной. Она взглянула на свою щетку, теперь одинокую в этом стакане, и сглотнула ком в горле. Теперь все казалось окончательным. Неужели зубная щетка, которой не пользовались почти два года, могла создать такую пустоту? Холли поскорее вышла из ванной.

Было слышно, как неподалеку трудился Логан. Бряцали металлические части разбиравшейся койки. Периодически он кряхтел, стараясь открутить строптивные гайки и болты.

В спальне ей оставалось разобрать один ящик – нижнее белье Брюса. Там были не только его трусы и майки, но и бесценные сокровища. На дне ящика лежал медальон Святого Христофора, который ему подарила бабушка в день конфирмации. Медаль за успехи в естественных науках, которую он получил в шестом классе, когда сконструировал машинку, работающую на воде и пищевой соде. Может, послать медаль его родителям, а медальон – бабушке? В своей скорби она потеряла с ними связь. Здесь же лежал перстень Университета Брауна. Он настоял, чтобы она его оставила и не захоронила с ним, так как это было восемнадцатикаратное золото, которое чего-нибудь да стоило. Были здесь и его любимые темные очки в родном футляре. А также сделанное старым полароидом фото Холли и Брюса в мексиканском ресторане в Торонто. Ему исполнилось двадцать четыре – первый день рождения после ее приезда в Канаду. Невзирая на его протесты, Холли предупредила работников ресторана о поводе. Они подарили Брюсу их гигантское праздничное сомбреро и, при полной поддержке Холли, настояли, чтобы он его надел. Брюс переживал, что у него будут вши, но все же повиновался. Голова Холли спокойно уместилась под полями сомбреро, официант сделал снимок и отдал им. Холли понятия не имела, что Брюс его сохранил. На фото у Брюса даже есть намек на улыбку, а он на снимках улыбался редко. Она не знала, как долго сидела и рассматривала каждый предмет. Время опять не играло роли. Наконец она все собрала и сложила в шкапулку. Дрожащими руками и с тяжелым сердцем она освободила от вещей Брюса последний ящик. И тогда она направилась к своему шкафу и достала зеленую байковую рубашку. Ее она тоже положила в коробку. Если она надеялась пережить эту ночь, от рубашки надо было избавляться. Хотя бы для того, чтобы никогда больше не переживать эту боль. Все нужные реликвии у нее были.

Логан уже почти закончил разбирать койку, когда она проходила мимо комнаты, в которой он работал. Она остановилась. Ей внезапно захотелось туда. Захотелось быть рядом с человеком, который ее безотрадную задачу принял на себя как свою, а тем более среди ночи. Поставив коробку, Холли села на пол и прислонилась к стене. Разобранные детали были аккуратно сложены у двери, там же был и матрас. Все крепежные детали сложены в пакет.

– Ты бледная, – заметил Логан.

– А койка, похоже, достойный соперник. – Она постаралась говорить беззаботно.

– Еще не встречался мне такой болт, который я бы не повернул, – сказал он. – Ты закончила?

– Да. – Холли посмотрела на стоявшую рядом коробку. – Не знаю, что делать с этими вещами. Было бы неправильно просто взять и выбросить. Людям нужно чье-то старое белье, электробритва и зубная щетка?

Логан подумал, прежде чем дать ответ.

– Не думаю, что кому-то будет польза от зубной щетки, но белье и бритва пригодились бы бедным. Если белье чистое и не рваное, уверен, что его можно пожертвовать. Не говоря уже о том, что когда благотворительным организациям приходится заниматься этим не очень приятным делом, не сомневаюсь, что они берут все и тактично избавляются от того, чем не могут воспользоваться. Я считаю, что тебе надо поступить, как подскажет сердце.

– Спасибо, Логан. – Она улыбнулась. Кажется, он всегда знал, что сказать.

Логан встал, протянул ей руку и помог подняться.

– Почти закончили. Давай снесем все это вниз.

Они трудились бок о бок, пока почти все содержимое теперь уже полупустой комнаты больного не перекочевало в столовую. Когда они вернулись за матрасом, чтобы отнести его вниз, Холли взглянула на картину.

– Понятия не имею, что с ней делать, – сказала она, указав на нее.

– Придет время, поймешь, – тут же ответил он. – Тебе вообще необязательно избавляться от нее, если не хочешь. Прекрасная работа.

– Может, Слоун-Кеттеринг⁹ ее захочет?

Логан улыбнулся:

– Был бы прекрасный способ отдать дань уважения. Но сегодня тебе принимать решение не нужно.

Холли согласно кивнула, они взяли за матрас и спустили его вниз.

– Пить хочешь? – когда они поставили матрас у стены, спросила Холли.

– С удовольствием.

Холли вышла, Логан остался в гостиной один. Он оглядел коробки с мужской одеждой. На стульях лежали мешки с костюмами, пиджаками и сорочками. Они были так тщательно запакованы, так аккуратно сложены, будто владелец просто перевозил их из одного места в другое. Но нет; он помотал головой. Она готовилась распрощаться с ними. Логан не сомневался, что Холли уделяла мужу не меньшее внимание.

Он побрел обратно в уютно обставленную гостиную. И перед тем, как сесть на кремовый кожаный диван, увидел его. Оно стояло на каминной полке. Свадебное фото Брюса Бреннана с невестой. Логан подошел и, чтобы получше рассмотреть, взял фотографию в руки. Брюс был, скажем так, обыкновенным. На вид среднего роста, не полный и не худой. Волосы не длинные, но и не короткие. Логан назвал бы их коричневатыми. У него были зеленые глаза. Не как у Холли – изумрудно-зеленые, а больше как неопределенно светло-коричневые. У Брюса не наблюдалось ни отличительных особенностей, ни физических недостатков, если не считать очков в роговой оправе. Брюс был симпатичный, но какой-то ничем не выделяющийся. Смокинг сидел на нем хорошо, что в глазах Логана всегда было достоинством. Брюс выглядел достаточно счастливым, хотя скорее довольным, чем восторженным.

Логан стал рассматривать Холли. Она улыбалась, светилась счастьем и, как и положено невесте, сияла красотой. И она была права: даже в день свадьбы она не была худой. Присутствовали пухлые круглые щечки, которые были хорошо знакомы Логану, полные руки, плотная фигура, которую теперь Логан хорошо знал. Но вид у нее был здоровый. Нельзя было отрицать: глаза ее горели. Светились изнутри, что говорило о наличии внутренней жизненной силы – той, которую он начал замечать в ней в спортзале.

Он пробежался взглядом по всей комнате, ища другие фотографии, но их не было. Казалось, в огромном доме хранится лишь одно обрамленное фото двадцать на двадцать пять, как свидетельство его обитателей. Логан вернулся к тому, что держал в руках. Почему ему не удалось распознать, что это за женщина? Почему она не желает говорить с ним, не оставляя ему шанса ни для чего, кроме необоснованных предположений? Как получилось, что, как раз когда он решил, что вычислил ее, она, кажется, опять повела его новой дорогой? Он поднял голову, не зная, что она уже вернулась в комнату. И тоже смотрела на фото, а когда Логан встретился с ней взглядом, то сразу понял, что на этот раз слез сдержать она не могла.

⁹ Мемориальный онкологический центр имени Слоуна-Кеттеринга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.